Легенды о проклятых. Безликий

Автор:
Ульяна Соболева

Легенды о проклятых. Безликий

Ульяна Павловна Соболева

Легенды о проклятых #1

Старинная легенда Лассара гласит о том, что, когда люди перестанут отличать добро от зла, на землю лють придет страшная. Безликий убийца. Если появился в городе воин в железной маске, знай – не человек это, а сам Саанан (Дьявол) в человеческом обличье. И нет у него лица и имени, а все, кто видели его без маски – давно мертвые в сырой земле лежат. В оформлении обложки использована фотография автора Ironika 776535457 ресурс shutterstock Содержит нецензурную брань.

Ты песню о нем никогда не слагай.

Когда он смеется, приходит тьма

Ты имени его не называй.

Когда он смеется, мерзнет вода

Ты в глаза ему не смотри…не смотри

Когда он смеется, гибнут цветы

Ты беги от него…беги… беги…

Если он засмеется, заплачешь ты…

(с) Ульяна Соболева

ГЛОССАРИЙ

Велеар – Царь

Велеара – Царица

Велеария – принцесса

Велеарий – принц

Дас – господин (так же употребляется как благородная приставка к имени)

Деса – госпожа

Лион – князь, барон, граф

Лиона – княгиня, баронесса, графиня

Лиония – княжна

Лассар – государство

Валлас – государство

Тиан – город

Баладас – город

Саанан – сатана

Иллин – Бог

Скай – раб

Скайя – рабыня

Меид – воин солдат наемник

Ниада – девственница вдова

Менеаль – министр

Шеана – ведьма

Баорды – Изгнанники. Людоеды. Иноверцы.

Астрель – священнослужитель.

Мерида – наркотик.

Маалан – птичка ярко-красного цвета, поющая только на закате один раз в сутки.

Гайлар – ликан

Атхал – альфа стаи оборотней

Мадоры – маги, колдуны

ГЛАВА 1. ОДЕЙЯ

Он выдумал бы новый мир, да только

Не рвется кем-то сложенный узор

И видимо ему опять придется

Вглядеться в зеркало и ощутить позор.

(с) Пикник

– Это опасный путь, моя Деса. Нам лучше дождаться весны. – Данат Третий, Верховный Астрель Первого ранга, сложил руки на груди, сверкая перстнями с драгоценными камнями, глядя на велеарию, которая смотрела в окно на заснеженные земли Лассара и скованное льдом озеро Лас. Её белое траурное одеяние сверкало из-за мелких страз, рассыпанных по тонкому бархату, а длинные темно-красные волосы, закрученные в тугие локоны, спускались ниже бедер и ярким пятном выделялись на фоне белоснежного одеяния. Волосы, цвет которых озадачивал всех подданных королевства. Говорили, что в велеарии течет кровь самого Саанана. Потому что ее зачали во время кровопролитной битвы за Лассар, враги тогда истребили почти все население. Родилась она в ночь полной темноты. Лунного затмения. Мать успела дать ей имя и умерла от потери крови. Не спасли даже лучшие лекари, все шептались, что это ребенок убил её своим рождением, мало ей своей души было, она и материнскую забрала. Образ Саанана всегда выковывали из красной стали – самого дорогого и опасного металла Соединенного Королевства. Когда отец увидел цвет волос дочери, он отступил от колыбели на шаг назад, а повитухи осенили себя пятиконечными звездами, нашептывая молитвы. Но, несмотря на все слухи, Од Первый признал Одейю и отправил в Тиан подальше от глаз людских и от сплетен.

Од почти не видел, как она росла, лишь трижды в году девочку привозили в Лассар на религиозные праздники, и Верховный Астрель, глядя на то, как тщательно скрывают цвет ее волос под чепцами и головными уборами, думал, что было бы неплохо заполучить велеарию в послушницы Храма. Великий владыка был бы рад такой жрице. Данат даже говорил об этом Оду, но тот не торопился с решением. Когда ей исполнилось двадцать, и по всем законам Лассара она уже считалась старой девой, велеар наконец-то выдал её замуж за Лу Даса Туарна, ее двоюродного брата из рода велеариев Талладаса. Од Первый объединил с Королевством несколько мелких северных угодий, принадлежавших

Рону дасу Туарну, супругу покойной сестры Ода, и планировал пополнить численность армии, чтобы идти на острова, где, по слухам, есть огромные залежи красного золота. Но он жестоко прогадал – муж Одейи погиб при сражении с мятежниками сразу после церемонии венчания, а Рон отказал Оду в помощи. Он понес большие потери, подавляя восстание, и сам нуждался в солдатах, которых велеар Лассара ему не предоставил. После этого отношения с Туарнами сильно разладились.

Молодая Велеария стала ниадой – той, кто обречена на вечное одиночество, так и не познав ни радости супружества, ни материнства. Таковы суровые законы Соединенных Королевств. Ниады – вдовы-девственницы, которые принадлежат не людям, а Иллину, они не имеют права на повторный брак или связь с мужчиной и, если нарушат обет, данный во время церемонии венчания, их жестоко казнят. Священная клятва, которую произносит невеста до того, как Астрель скрепит брак ритуалом, клятва, гласящая о том, что дева, не тронутая мужем и овдовевшая, навечно остается невестой Иллина. Ни один мужчина не имеет права её касаться. Люди шепчутся, что это проклятие, которое преследует Ода Первого после того, как он захватил Валлас, похоронив в мертвой долине тысячи невинных, не признавших его своим Велеаром. Возможно, Од Первый не получит наследника трона от своих детей, так как старший из его сыновейза десять лет так и не оплодотворил свою жену и бесчисленных любовниц, второй сын – мужеложец, а третий, самый младший, погиб два дня назад в Валласе.

Верховный Астрель смотрел на девушку, но сострадания не испытывал – он злился, и ему с трудом удавалось себя сдерживать. Одейя слишком своенравна и дерзка. Она не пришла в Храм Астра после гибели мужа, как подобало богобоязненной ниаде, а посмела остаться при дворе своего отца и продолжить мирскую жизнь. В вечном траурном одеянии и неизменных перчатках на тонких руках, чтобы случайно не коснуться кого-то из мужчин голой кожей. Она лишила орден щедрого велеарского взноса в казну Храма, на который астрель так рассчитывал. Пусть теперь поживет в порочном, погрязшем в грехе мире и смотрит на то, чего у нее никогда не будет, и, может, все же примет решение смиренно принять свою участь – постриг и посвящение в астрелии Храма.

Но за весь год Одейя даже не посетила Храм, и надежда Даната таяла с каждым днем. Теперь он ждал, когда она оступится. Все совершают ошибки, и она совершит рано или поздно. Один неверный шаг – и даже дочь Великого Ода Первого казнят, словно последнюю шлюху, на площади под улюлюканье толпы,

как обычную простолюдинку. Иногда Данату хотелось на это посмотреть…на то, как эту своенравную, ослепительно красивую сучку протащат голой перед всеми подданными. А потом сожгут живьем или забьют камнями.

– Я провела достаточно времени в Тианев ожидании брака, скрытая от людских глаз, а после – как в заключении, здесь. Это решение одобрено Советом. Мой брат Анис был убит в стенах велеарского замка в Валласе, я должна присутствовать на похоронах, как единственная родственница, и взять правление в свои руки, чтобы найти виновных и казнить их, – голос велеарии был слегка приглушен, и могло показаться, что она плачет, но астрель слишком хорошо её знал, чтобы быть уверенным, что Одейя не проронит ни слезинки. Он никогда не видел её слез. Даже когда она была ребенком. – За полгода зимы может произойти что угодно. Мятежи вспыхивают по всему Соединенному королевству, и отрезанные государства могут стать легкой добычей для мятежников.

– Аниса убил дикий зверь во время охоты в Черном лесу. К мятежам это не имеет никакого отношения. А вам не пристало разъезжать по дорогам Соединенных королевств в это время года.

Девушка резко обернулась, и астрель медленно выдохнул, когда увидел влажный блеск в её ярко-бирюзовых глазах. Он почувствовал, как удовольствие растекается по его телу мягкими тягучими волнами. Пусть плачет. Это так естественно и красиво. Пусть покажет свою слабость, маленькая, проклятая ведьма. Хотя бы раз. Один раз Саанан ее раздери.

Одейя была единственной женщиной, которую Астрель Данат ненавидел. Не только за то, что разрушила его планы, и не только за то, что в её присутствии его скукоженная и годами спящая плоть восставала, причиняя неудобства, но и за несколько круглых шрамов на подушечках пальцев, утративших свою чувствительность после того, как коснулся этой ведьмы во время ритуала. Данат не мог избавиться от навязчивых мыслей о ниаде. О ее обнаженном теле на алтаре, о её красных волосах змеями вьющихся по блестящей поверхности металла. Данат сам лично нанес на низ гладкого живота девушки священное клеймо с изображением пятилистника – символа непорочности. Ниада извивалась и стонала от боли, а Астрель впервые в жизни испытал дичайшее сексуальное возбуждение, глядя на ее полную грудь с розовыми сосками, которая колыхалась в такт ее резким движениям от каждого прикосновения, раскаленного метала, и скрещенные длинные ноги, между которыми, он знал,

его ждут врата Саананской бездны сладкого разврата. Он произносил заклинания, ощущая, как под пальцами проносятся искры, и каждая вена в его собственном теле вибрирует от бешеной энергии, которая проходит сквозь него. Пока вдруг металл не окрасился в красный цвет и Данат, который не удержался и коснулся ниады, не почувствовал, как его пальцы обожгло, словно кислотой. Это было невозможным, ведь заклинание не распространяется на астрелей Иллина. Только на простых смертных, как доказательство нарушения запрета. Но ожоги говорили об ином – к этой ниаде не могут прикасаться даже астрели. Что-то не так с красноволосой сучкой. С ней определенно что-то не так.

После окончания священного ритуала под длинной рясой на штанах астреля осталось мокрое пятно. По ночам он хлестал себя колючей проволокой и стягивал тело широким кожаным ремнем с шипами, чтобы унять отвратительные фантазии и грязные желания, которые лезли ему в голову, ему, Верховному Астрелю, могущественному и сильному, давшему обет безбрачия и испытавшему свой единственный оргазм во время самого священного обряда. В этом она виновата, проклятая ведьма, которая с тех пор искушала Даната одним только видом, напоминая о падении и грехе.

– Дикий зверь? – Одейя сжала руки в кулаки и побледнела еще сильнее, от чего её глаза казались настолько яркими, что астрелю захотелось их выколоть, чтоб не соблазняла. – Лучшего воина Королевства, победившего в двадцати турнирах, и как раз перед коронацией? Я не верю в совпадения.

– На все воля Иллина!

Велеария вздернула подбородок, продолжая смотреть в глаза священнослужителю Храма с вызывающей дерзостью.

– По праву наследия Валлас теперь принадлежит мне, и я хочу вступить в эти права немедленно. Я уже отдала приказ – мы выезжаем на рассвете.

– Ваш отец был бы против этой поездки.

– Мой отец был бы рад отправить меня подальше от своих глаз и одобрил её до своего отъезда, а сейчас он сражается на юге за острова, защищая их от набегов Меера, который в последнее время угрожает нашему государству со стороны Большой Бездны. Острова, где, по вашему мнению, Великий Астрель, есть

красный металл, который так жаждут найти, как мой отец, так и вождь проклятых язычников. Здесь будете вы, а я отправлюсь в Валлас. Нельзя оставлять наши королевства без присмотра.

– Я пошлю гонца за астрелем Фао Дас Ангро. Он встретит вас возле развилки у Черного леса и последует в Валлас вместе с вами.

Велеария дерзко усмехнулась, и на обеих ее щеках заиграли ямочки. Астрелю тут же захотелось оказаться в своей келье и начать неистово молиться, потому что у него зудели губы от желания касаться её кожи.

– Кого еще вы приставите ко мне, чтобы следить за каждым моим шагом, дожидаться, когда я оступлюсь, и сожрать меня?

– В Валласе полно еретиков, последователей проклятого Альмира, и там поговаривают о нечистой силе. Там нет Верховного астреля, и Храм не содержится в порядке, нет кого-то достойного оберегать вас, моя Деса. Вы – хрупкая женщина, для которой опасно бродить по лесам и горам Королевства одной. Я всего лишь забочусь о вашей душе, которая принадлежит Иллину, а вы обвиняете меня – вашего духовника.

– Я не просто женщина, я – воин. Меня учили сражаться наравне с моими братьями, а не вышивать крестиком рясы для Астрелей и вязать коврики в исповедальню вашего Храма. Моя душа принадлежит только мне, как и мое сердце. Ими вы никогда не сможете распорядиться, как моим телом, которое заложили словно вещь в угоду вам и ожидаете ежемесячного внесения части выкупа.

– Замолчите! Не будь вы велеарией, Деса Одейя…

– Меня бы выпороли за эти богоотступнические слова металлической розгой или плетью с шипами, верно? И отлучили от Храма навечно. Значит, мне повезло…или не повезло. Кто знает.

– Вас бы это не избавило от вашей участи. Следите за словами и побойтесь гнева Иллина! – Воскликнул Астрель и возвел глаза к резному потолку, украшенному разноцветными стеклянными фресками.

– Мне давно уже нечего бояться. Разве вы не сделали меня саму проклятием во плоти? Наказанием, которого не могут дотронуться даже собственный отец и братья. В этом мире я боюсь только смерти близких! Больше меня ничего не пугает, и я достаточно потеряла за последнее время, чтобы верить в вашего Иллина и в его справедливость. Анис был таким юным и чистым…а его забрали у нас. Где она, справедливость? А нет ее и никогда не будет, пока кто-то жаждет власти и золота – другие будут умирать. А вы торгуете этим страхом и неплохо преуспели, ведь его легче всего продать.

– Саанан вкладывает эти мерзости в ваши уста! – крикнул Астрель и в ярости посмотрел на девушку.

– Мерзости – это то, что вы творите во имя вашего Иллина. Мерзости – это убивать детей, потому что их родили вне брака, мерзости – это торговать людьми, потому что они нужны, как дешевая рабочая сила, мерзость – это затевать войну, где брат убивает брата. Вот что мерзость, а слова – это всего лишь слова, увы, они не поразят ни одного из убийц Аниса. Посылайте со мной кого угодно – хоть поезжайте сами. Мне все равно. Я собираюсь стать Велеарой Валласа, и мне никто в этом не помешает – я в своём праве.

– Скажите спасибо, что мы с вами одни, и вас не настигнет кара за эти речи!

– Я скажу спасибо тем взносам, которые Храм получает от моего отца. Но все же недостаточно, раз вам так хочется получить с меня еще больше. Не говорите мне о моей душе, когда вы осеняете себя пятиконечной звездой пальцами, унизанными перстнями, а под стенами вашего Храма умирают голодные нищие, в то время как ваши свиньи едят отходы с обильных вечерь.

– Деса Одейя!

– Я никогда не приму постриг ради вашего обогащения – я лучше раздам золото со своего приданого голодным и нищим прихожанам вашего Храма.

Астрель стиснул пальцы так, что они захрустели, когда велеария прошла мимо него с прямой спиной и гордо поднятой головой, оставляя позади себя запах свежести и розового мыла.

***

– Ты уверен, что он привел нас куда надо? – спросил шепотом Фао Дас Ангро своего слугу и бросил взгляд на другого мужчину, осматривающего скалистую местность на границе с Валлаской землей. – Велеария должна была появиться еще несколько часов назад, а её всё нет.

– Рейн – командор меидов, – ответил седовласый монах и погладил клиновидную короткую бороду, – а они единственные, кто могут провести нас через горы к Валласу, и хорошо знают местность, иной дороги нет – все занесло снегом. Это развилка – вон указатель. Мы должны молиться Иллину за то, что послали нам меида вместе с отрядом. Плохая видимость из-за тумана, возможно, отряд совсем близко, но мы его не видим.

– Разве меиды не должны в это время года находиться южнее? Им не запрещено входить в большие города, такие, как Валлас?

– Кто знает. У них свои тайные миссии, о которых ведает только сам Велеар Од. Они подчиняются непосредственно армии Соединенного Королевства. Для меидов нет запретов, если они имеют приказ. И нам повезло, что этот отряд оказался близок к Валласу. В это время торговые пути полностью перекрыты, и только разведка знает, как добраться до города. Валлас и Баладас отрезало от Королевства на долгие шесть месяцев. Единственная связь с Лассаром через гонцов-меидов, а все они очень темные личности, но у нас нет выбора – мы должны встретить велеарию возле развилки трех дорог у Черного леса.

– Гиблое место, о нём ходят ужасные слухи, – астрель осенил себя звездой и посмотрел на слугу, – Проклятый Лассарский договор и саананские мятежники не могли подождать до весны. Велеарий Анис так некстати погиб. Сидели бы все сейчас по домам, ели горячую вечерю, запивали сладким вином и смотрели на метель только через толстые стекла окон.

– Там, где тонко, там всегда и рвется, Дас Ангро. Вы приняли пост главного астреля, и вам поручили великую миссию служить велеарии Одейе. Вы должны гордиться. Вас повысят в ранге через время, и ваши возможности расширятся и увеличатся.

– Я горжусь, но я впервые совершаю такую дальнюю поездку зимой, Саяр. У меня такое впечатление, что меня послали не с миссией, а сдохнуть в этих саананских снегах.

На круглом, гладковыбритом лице Фао, с широким, сильно вздернутым кверху носом, отчего верхняя губа чуть приоткрывала зубы, появилось выражение глубокой печали.

– Вам доверили важное поручение, мой Дас, кроме того, теперь нас сопровождает отряд меидов, а это значит, у нас есть все шансы уже через пару часов встретить Десу Одейю у Черного леса и сопроводить в Валлас.

– Он внушает мне ужас! Он и это проклятое место, – сказал уже тише Фао, поднимая повыше воротник, подбитый мехом горностая, осаждая своего скакуна темно-каштановой масти. Астрель поправил толстыми пальцами жидкие, мокрые волосы, прилипшие ко лбу и посмотрел на своего слугу, который не сводил взгляда с проводника, возвышающегося над обрывом.

Справа от всадника виднелся деревянный столб с тремя указателями, привязанными цепями, которые отвратительно скрипели от порывов ветра. Над макушками Черного леса кружили вороны, они громко каркали, и звук терялся эхом вдалеке, навевая тоску и мысли о смерти. Астрель Фао снова поморщился от холода, пряча руки в широкие рукава толстой шерстяной рясы и рассматривая проводника.

Длинный плащ меида окутывал круп породистого вороного Тианского жеребца блестящим от талого снега черным покрывалом, открывая голенища высоких кожаных сапог с острыми серебряными шпорами. Они сверкали бликами, когда холодное солнце выходило из-за туч, рассеивая горный туман на короткие промежутки.

– Говорят, командор Рейн родился в этих землях, когда Валлас еще принадлежал Альмиру Дасу Даалу, – послышался голос Саяра.

– Еретику и приверженцу Саанана, пусть горит в пекле его душа вечно. Меиды разве не бывшие рабы и преступники, которые должны были быть казнены за страшные злодеяния? Как можно им доверять охрану территории Соединенного королевства?

– Они воины-смертники, которые в обмен на жизнь и свободу присягнули в верности Велеару и готовы сражаться с любой тварью, способной напасть на наше королевство, мой Дас. Если бы не его люди, нам бы вспороли животы проклятые баорды, Саанан их раздери.

– Не ругайся. Откуда только взялись эти вонючие ублюдки здесь, в горах, на торговом пути?– Фао передернул плечами, вспоминая, как отряд отбивался от диких озверевших изгнанных, которых предки прозвали баордами.

– Голодные времена. Зимой все твари опасны, а мы неплохая добыча. Нам послал меида сам Иллин, которому я молился всю дорогу, иначе вертели бы нас сейчас баорды над костром, а потом скармливали своим тощим псам наше мясо.

Фао поежился, перевел взгляд на командора, чей конь переминался с ноги на ногу у обрыва. Сизые облака окрасились в насыщенный малиновый цвет заката, и всадник походил на изваяние из черного камня.

– Не слишком ли он молод для командора?

– Слишком жесток и умен, как Саанан – да, но не так уж и молод. Возраст в наших землях – это роскошь, доступная лишь тем, кто греет свой зад у камина. Меиды – смертники, и их век слишком короткий. Под началом Рейна численность армии увеличилась, а не уменьшилась, как бывало раньше.

– Он её снимает вообще?

– Что?

– Эту жуткую маску. Он ее когда-нибудь снимает?

– Никто не видел командора без маски, он жестоко убил каждого, кто пытался это сделать. Рейн – опасный воин. Самый кровожадный из всех, кого знали наши земли.

– А что с его лицом?

– Говорят, оно изрезано красной сталью. От уха до уха. Но это могут быть только слухи, – прошептал Саяр.

– Я так и думал – урод, – так же тихо, но с ноткой едкого презрения добавил Дас Ангро.

В ту же секунду меид резко повернулся к высокородному астрелю, и тот вздрогнул – возникло ощущение, что он их слышал: из-под железной маски, скрывающей почти всё его лицо, на Фао смотрели серо-зеленые глаза, холодные, как замерзшее ядовитое озеро за туманными водами. Глаза либо безумца, либо мертвеца – пустые, и в тоже время наполненные насыщенным мраком. Астрель поежился и отвел взгляд.

Никто из них не мог забыть жуткого зрелища, когда меид вспорол животы налётчикам-людоедам, отрезал им головы, насадил на ветки, воткнутые в снег, а потом танцевал вокруг них странный танец, напоминающий полет коршуна над мертвой добычей, и громко хохотал.

«Он всегда исполняет этот ритуал над поверженным врагом. Танцует и смеется». Так сказал астрелю один из людей командора, когда он в ужасе смотрел на это страшное представление.

Меид повернул коня и поравнялся со спутниками.

– Отряд велеарии двигается с юга – мы будем ожидать здесь. Отсюда до Валласа несколько дней пути. Потом спустимся вниз к мертвой долине и пойдем по прямой к городу.

– Ты уверен, что нас там не поджидают ловушки? Не лучше ли обойти эту долину? Мятежники рассыпались по всему Соединенному королевству.

– На дороге, которой я вас веду, нет ловушек. Здесь боятся рыскать даже баорды.

Астрель судорожно сглотнул.

– Почему? Что не так с этой дорогой?

– Говорят, в долине бродят души невинных, убиенных нашим Велеаром во время Великого захвата территорий. Их не похоронили, и тела разлагались под палящим солнцем, пока долина не покрылась вонючим пеплом, – зловеще сказал меид, продолжая сверлить Фао взглядом, от которого у того по коже шли мурашки, – тысячи мертвых тел: стариков, изнасилованных армией Ода женщин со вспоротыми животами, изуродованных детей и младенцев.

– Валлас был полон еретиков, когда наш велеар освободил его от гнета саананских слуг, истребив всю нечисть и плоды её семени во имя Иллина.

– Значит, это не души, а сама нечисть бродит по долине, – меид усмехнулся, и в полумраке блеснули белоснежные зубы, а у Фао все волоски встали дыбом от этого смеха, – как вам больше нравится, Великий Астрель?

– Мы разве не можем идти другой дорогой?

– А вы суеверны, Дас Ангро? Разве астрели не избранники самого Иллина, призванные спасать мир от нечистой силы?

Фао нахмурился – проклятый меид слишком дерзок с высокородным астрелем, но ему придется это проглотить, иначе Фао не встретит Одейю и не доберется в Валлас. Хотя, зачем лгать – он попросту боится этого жуткого психа, от которого веет смертью, но также боится и продолжать дорогу один в сопровождении своих значительно поредевших после схватки с баордами воинов.

– Я не суеверен, а ты много болтаешь, солдат.

Меид поднял своего коня на дыбы, и жеребец Фао метнулся в сторону, когда вороной опустил копыта в снег, взметнув белое облако в воздух.

– Я вижу огонь, Рейн. Факелы со стороны леса, – крикнул один из меидов, – похоже, они подают сигнал бедствия. На них напали.

Меид повернулся к мертвенно бледному астрелю.

– Кто сопровождает велеарию? Такой же отряд зеленых и необученных дилетантов, как и ваш, астрель?

– Все доблестные и благородные воины Королевства на войне, – Фао презрительно поджал губы, намекая на то, что меиды не сражаются вместе с Одом Первым за острова.

– Ясно.

Командор спешился и повернулся к своим людям, натягивая на голову капюшон и поправляя меч на боку.

– Я спущусь к лесу сам. Проверю, что там происходит. Вы оставайтесь здесь, охраняйте астреля. Без моего приказа не двигаться с места.

ГЛАВА 2. РЕЙН

10 лет назад

Аккуратно выложенные круглые камни, выстроились в одинаковые ряды, уходя стройной линией высоко в небо. Я заслонил глаза от слепящего солнца и вглядывался в высокую каменную стену. Смотрел, как над ней кружит коршун. Тот самый, который убил мою добычу – бурого кролика, и взмыл с ним вверх, а потом разжал когти, и жертва, упав на острые камни, разорвалась на части. Я знал, что птица хочет спуститься и полакомиться убитым кроликом, но именно я ей мешаю это сделать, так как стою у разорванной тушки и внимательно наблюдаю за вором. Мне интересен ход его мыслей, он ведь не собирается отступить, а я не собираюсь отдать ему то, что осталось от его жертвы. Рейн, сын Альмира, никогда не делится тем, что считает своим по праву.

– Рейн! Не ходи туда! Нам нельзя здесь находиться…Так близко к стене! Рейн!

Я даже не обернулся на окрик сестры, разглядывая коршуна, похожего на черную кляксу на фоне малинового неба. Он спикировал вниз и снова взмыл ввысь.

– Рейн! Оставь. Не надо. Ты не убьешь его. Только привлечешь к нам внимание Лассарского дозора!

Я усмехнулся – маленькая, наивная Далия не верит, что я подстрелю этого мелкого вора. Я – сын Альмира Даала и лучший стрелок во всей округе Черных Валунов. Птица кружила над стеной и не улетала, словно дразнила меня то снижаясь, то набирая высоту. Я натянул тетиву лука и прицелился, каждый мускул превратился в камень, и я на несколько секунд мысленно сам взлетел в небо, словно стал этим коршуном, расправившим крылья и кружащим над своей добычей. МОЕЙ ДОБЫЧЕЙ. Которую он убил, и этим испортил мне охоту. Тетива натянулась, заставляя пальцы онеметь от напряжения, я услышал, как засвистела выпущенная стрела, и увидел, как она взмыла ввысь. Далия вскрикнула, когда сраженный коршун камнем полетел на землю и упал неподалеку от подножия стены. Я бросился к нему, перепрыгивая через острые черные камни. Подошел к несчастной птице, которая конвульсивно вздрагивала…еще живая. Я не чувствовал жалости, только триумф и презрение. Триумф – потому что смог его подстрелить, а презрение – потому что он позволил себя подстрелить. Черные глаза коршуна, казалось, сверлят меня насквозь ненавистью. Я наклонился и выдернул стрелу, торчащую из его груди, глядя, как коршун подергивает лапами, подыхая.

– Никогда не бери то, что не принадлежит тебе, – сказал я птице и повернулся к сестре, она махала мне рукой, – за это приходится дорого платить. Всегда.

– Рейн! Они заметят тебя!

Словно в ответ на её слова воздух задрожал от пронзительного звука, напоминающего вой гигантского животного. Горн, возвещающий об открытии ворот. Я бросился вдоль стены к бурлящей водами Тио – там можно укрыться среди камней, а Далия спряталась в гуще деревьев. Я спустился к воде и застыл, забыв о воротах и патруле, который вышел на вечерний обход территории Тианского замка. На том берегу Тио я увидел девчонку, и меня пригвоздило к месту. Наверное, всё дело в её волосах, они завораживали, бордово – красные, развевались на ветру, как кровавое знамя, и окутывали гибкое девичье тело густым покрывалом. Девчонка, наверняка, думала, что её никто не видит, она что-то напевала тонким голосом и окунала в воду стройную, обнаженную до бедра ногу. Какая ослепительно белая у неё кожа! Отливающая перламутром, она контрастирует с ярко-зеленым платьем. Я судорожно сглотнул и сжал

челюсти.

Меня парализовало, даже в горле пересохло, когда она встала на камнях в полный рост. Нас разделяло несколько метров бурлящих вод, но мне был хорошо виден каждый изгиб стройного тела. Идеальная, совершенная и каким-то невероятным, непостижимым образом настоящая. Смотрел на её лицо, и мне казалось, что я слепну.

Бирюзовые глаза девчонки в удивлении широко распахнулись, когда она заметила меня. Слишком красивая. Никогда раньше не видел таких. Не похожа на темноволосых и смуглых женщин Валласа, к которым я привык.

Время остановилось, застыло там, где горизонт пожирал солнце, и оно, умирая, окрашивало небо в ярко – красный, как волосы девчонки, цвет. Она не уходила, смотрела, а потом улыбнулась, и я вздрогнул. Меня затягивало в эти яркие глаза, в эту улыбку, как в болото. Где-то в глубине сознания я понимал, что она по другую сторону и там останется навсегда. Нас разделяют не только воды Тио, а пропасть из двухсотлетнего противостояния её народа с моим. Это и есть болото, от меня зависит ступить в него или обойти. Обойти? Черта с два. В грязь и захлебнуться, но попытаться доплыть до неё. Потому что я так хочу.

Тогда я даже не думал, что через месяц не смогу себе представить хотя бы один день без нее, а через полгода готов буду убивать любого, кто мне помешает быть с ней, что буду жить нашими встречами и мечтать прикоснуться к её волосам хотя бы кончиками пальцев. Но едва пытался приблизиться – девчонка пятилась к стене, и я останавливался, боялся, что она уйдет. Да, я, блядь, боялся, что никогда не увижу её, а это было невозможно. Потому что знал – она мне необходима, как воздух или вода. Чувствовал зависимость, как от огненной мериды, ядовитой и страшной, которая человека превращала в раба своего, если хоть раз глоток дурмана сделает – навеки в плену этой дряни и останется.

Я не спал ночами, снова и снова пробираясь к стене, следил, как одержимый, за воротами. Я хотел знать, кто она, как зовут, почему живет в Тиане вдали от Лассара? Хотел и понимал, что это невозможно, потому что девчонка по ту сторону границы, и в любой момент может начаться бойня с Одом Первым, возомнившим себя господином вселенной и стремящимся захватить нашу страну и создать Соединенное Королевство. Мы находились в состоянии перманентной войны и уже несколько раз оборонялись от прорыва войска Белого Велеара на наши земли.

Я назвал её Маалан. Как называли в моей стране маленькую птичку ярко-красного цвета, поющую только один раз в сутки на закате. Хрупкая и ослепительно красивая, как те самые несколько минут до исчезновения солнца. В те времена, когда еще не было Соединенного Королевства, существовало несколько языков. Мы говорили на Валласком. Когда Од Первый захватил близлежащие к Лассару земли, он заставил всех говорить на лассарском, искореняя другие языки.

Она приходила вместе со мной, иногда уже ждала там, а иногда ждал её я и сжимал в ярости кулаки, если ждать приходилось слишком долго, но она всегда приходила. Мы не сказали друг другу ни слова за несколько месяцев, и я даже не знал её имени, но мне было наплевать. Смотрел и понимал, что нахрен не нужны слова – мне бы волос её коснуться, зарыться в них пальцами и в глаза вблизи посмотреть. Утонуть на их глубине с камнем на шее весом в мою непонятную одержимость. Возвращался домой и есть не мог, кусок в горло не лез. На шлюх не смотрел, девок гнал. Иногда драл остервенело, слышал, как орет подо мной, а сам кайфа не получал. Кончал, а перед глазами она, и от понимания, что с ней – никогда, выть волком хотелось. Ни одна на неё не похожа. Ни у одной нет таких волос и таких глаз. Ни у одной в Валласе. Да и во всем мире от Большой Бездны до Песков Огненных нет такой, как моя Маалан – это я точно знал. Только не моя она. Чужая. Вражеская. Моей не станет.

– Опять к ведьме ходил? – спрашивала Далия и хмурила тонкие черные брови.

– Ходил, – мрачно отвечал я, вспоминая, как девчонка снова пятилась к стене, когда я ступал в воды Тио в жалкой надежде приблизиться. Зачем приходит ко мне, если боится? Можно подумать для меня проблема переплыть три метра, чтобы добраться до нее. Если я захочу, меня не остановит ни один стрелок на этой долбаной стене. Но мне было мало хотеть – мне было нужно, чтобы она хотела.

– Надо отцу рассказать, где ты лазишь по вечерам. Пусть всыплет тебе розг с шипами, да так, чтоб до мяса и отобьет охоту на Лассарскую ведьму глазеть.

Далия прицелилась и попала в самое яблочко на мишени, выпрямилась, откинув толстую косу за плечо и триумфально опустила лук.

– Не ведьма она. А я не мальчишка, чтоб розги получать. Так ты брата любишь, да? Я ей тощий зад прикрываю, а она меня отцу заложить хочет?

– Потому что люблю. Страшно мне, брат. Ведьма она! Волосы у нее кровавые, и значит, ведьма, жрецы так говорят. Они мне на рунах твое будущее показали – сгубит она тебя, проклятая, а, может, и всех нас. Не ходи туда больше, Рейн. Забудь о ней. Тебе жена из наших нужна, чтоб сильная была, а не прозрачная, как пергамент, с глазами, как у кошки и каменным сердцем. Шеаны любить не умеют, только губить.

Я отобрал у Далии лук и сам, прицелившись, выстрелил, расщепив ее стрелу на две части. Опустил руку.

– Не лезь в это, Дали. Просто не лезь.

– Как не лезть? Посмотри на себя в зеркало, Рейн – ты как сумасшедший, только вечера и ждешь, чтоб сучку эту увидеть. Чем только держит тебя?

– Ничем, – хмуро сказал я и сломал о колено вторую стрелу, – ничем и всем.

А потом впервые прикоснулся к ней и понял, что смотреть было ничтожно мало в сравнении с тем, что попробовал сейчас. Ее волосы на ощупь именно такие, как я представлял – нежнее шелка, а глаза еще ярче вблизи. Море в них. Адская бездна, сочная и опасная. Она странная такая – ресницы мои трогала кончиками пальцев, а мне, блядь, казалось, что это она душу дразнит. Осторожно, нежно, прикусив нижнюю губу и тяжело дыша, словно всегда мечтала делать именно это – касаться моих ресниц. Сказала что-то, а я за губами слежу, и мне внутренности в узел стягивает от бешеного желания наброситься на её рот и сминать его губами, чтоб капельки крови выступили от нашей одержимости друг другом. Руку мне на грудь положила, и я чувствую, как сердце ломает ребра и бросается в ее ладонь словно бешеное.

Она по губам моим пальцем проводит, а меня то в жар, то в холод, и дикость по нарастающей, как пружина, сжатая в спираль, закручивается.

Чем больше касался, тем сильнее пальцы ломало от желания под кожу ей влезть, проникнуть в неё, и я проникал языком в её рот, в ямочки на щеках, в ушко, нашептывая какая она сладкая и горькая. Смотрел в глаза, видел, как они

закатываются от наслаждения, слышал, как шепчет мне что-то на своем языке и пожирал ее шепот, жадно задирая тонкое платье, скользя голодно по бедрам, сминая кожу. Такая нежная и бесстыжая: то отталкивает, то сама руки мои к себе на грудь кладет и трется сосками о ладони, а я, одичавший от похоти, готов ради неё со стены Лассарской вниз на камни, только бы смотрела вот так и шептала губами искусанными, перехватывала запястья мои, когда гладил между ног, умоляя позволить, а потом, когда переставала содрогаться в моих руках, пальцы облизывал и ей давал попробовать, какая она совершенная во всем. Оседает послевкусием на зубах, на теле так, что запах её еще сутками чувствую и от счастья уносит. Я себе её хотел. Навсегда хотел. Женой моей. Только моей. Плевать, кто она: девка простая, шеана, аристократка. Я сын велеара и могу все к её ногам бросить и понимал, что несбыточно это, и она, видать, понимала. Иногда уходил, а она за руку держит, не отпускает, и в глазах морская гладь темнеет, как в ураган. Я не брал её, ласкал, дразнил, сам выл от бешеного желания, но не брал. Хотел. Видят боги, я мечтал об этом, но я берег, слишком обезумел, чтобы испортить то, что уже начал считать своим.

Вскоре отец вернулся из-за стены с радостным известием – Од Первый пообещал помощь в войне с Меером, напавшим на нас с Юга, чтобы отбить рудники с красным металлом, в обмен на это мы откроем торговые пути через Валлас к Большой Бездне. Этой же дорогой Од Первый проведет свою армию, и мы добьем ублюдка Меера и потопим его корабли. Мирный договор с Лассаром за долгие годы неприязни и конфликтов на границах. Это означало, что у нас с моей Маалан появилась надежда. Я жестоко ошибался, как и мой отец, как и все мы, потому что поверили Лассарской подлой сволочи. Мрази, которая предала нас…Мрази, чьей родной дочерью оказалась моя Маалан. И не Маалан она, а Одейя Виар. Велеария Лассара.

В ту ночь я бежал по лесу, чувствуя запах гари и слыша издалека лязганье клинков, вой горна, топот копыт и ржание лошадей. Ветки цеплялись за мои волосы, хлестали по лицу, царапая щеки. Я задыхался, стараясь не думать…но я уже чуял вонь этой войны, этот смрад заполнял легкие и заставлял сердце судорожно сжиматься и разжиматься в груди. Как только услышал первые звуки горна, подскочил вместе с ней, все еще прижимая к себе, опутанный её волосами и руками. Еще не подозревая, кого держу в своих объятиях. Да и нескоро узнаю. Совсем не скоро. Замер, не понимая, слышится ли мне этот жуткий звук со стороны Валласа? На нас напали?

Я на ходу натягивал рубаху и целовал её руки, повязывая пояс, цепляя меч, забрасывая колчан за спину, снова целовал, зарываясь в роскошные волосы пальцами и шептал, что вернусь завтра, обещал, хоть она и не понимала меня, а внутри уже нарастал рев адреналина и страха.

Бросился вплавь через ледяную Тио и в лес, сломя голову, к Валласу. Подвернул ногу, упал лицом в грязь, снова поднялся, смахивая липкую жижу со щеки. Чем ближе город, тем сильнее вонь, и мне уже слышны душераздирающие крики и мольбы о помощи. Горн не смолкает, и я точно знаю, что он раздается со стены замка. Сигнал бедствия, сигнал смерти. Самый страшный звук для меня тогда. Звук, после которого я уже больше ничего так не боялся. Звук, который превратил меня в того, кто я есть сейчас – Проклятого. И она проклята мною…как и весь её род, который я истреблю. Всех до единого.

Ворота распахнуты настежь – Валлас полыхает в огне и тонет в крови моих братьев, моего народа. Повсюду белые знамена Лассарской армии и вакханалия смерти, она растекается ручьями к ногам, в ней чавкает подошва сапог и от неё выворачивает наизнанку. Смерть цвета ЕЁ волос. Я остановился, тяжело дыша и чувствуя, как начинает печь глаза и драть горло от понимания – нас предали. На нас напали те, кто должны были протянуть руку помощи. Мирный договор был нарушен именно сейчас, когда Валлас распахнул свои ворота для предателей и сам впустил смерть на улицы нашего города.

Я рванул туда, в самое пекло, обнажая меч на ходу, содрогаясь от вида мёртвых тел, разрубленных на куски, оглушенный воплями ужаса и агонии, непрекращающимся гудением горна.

Лассарские твари заметили меня сразу, мальчишку, который с яростью дикого зверя кидался на них, пронзая мечом насквозь в каком-то диком безумии с сумасшедшими глазами, горящими лютой ненавистью.

– Сдохните твари проклятые, сдохните суки! – срывающимся голосом, рассекая воздух сверкающей сталью, отрезая конечности тем, кто обманулся юным возрастом и преградил мне дорогу, мешая пробираться к площади, с которой валил дым и раздавались душераздирающие крики и плач. Всё, о чем я думал сейчас – это моя семья. Я должен найти сестру и мать, вытащить из этого пекла. Если успел. Если они еще живы.

– Хватайте звереныша, ведите его к повелителю.

– Эта бешеная собака зарубила наших лучших воинов. Не подпускает к себе, ублюдок. Не подступишься.

– Эта бешеная собака сын Альмира. Возьмите его и тащите на площадь, пусть смотрит как поджаривают яйца его папаше и трахают его шлюху – сестру и ведьму – мать.

Я ловко изворачивался от клинков лассарских ублюдков, пока меня не окружили со всех сторон, оттесняя к стене. Проклятые твари впятером на одного и рассчитывают, что я сдамся – черта с два. Рейн Даал не сдается, он лучше сдохнет в бою, но никогда не протянет меч врагу, не склонит головы.

Меня придавили к стене, избивая ногами и руками, оглушая ударами щитов по голове, пока я не упал, успел меч о колено сломать и отшвырнуть в сторону. Велеарий Валласа не сдался белым псинам Лассарра, они взяли его численностью – трусливые выродки. Каждый лет на десять старше и крупнее телосложением.

– Тащите его к Велеару – пусть решает, что с ним делать.

– Вздернуть или сжечь живьем саааананское отродье.

Меня волоком потащили по земле в сторону площади, где посреди разрубленных тел, в лужах крови уже смастерили эшафот для казни.

На самом помосте на коленях стоял мой отец – велеар Альмир Даал, мою мать и сестру держала стража, приставив к горлу мечи. В разорванной одежде, заплаканные, перепачканные кровью. Я посмотрел на Далию и на миг закрыл глаза, чувствуя, как слёзы обожгли веки. По её мертвому взгляду и окровавленным ногам я понял, что с ней сделали солдаты Лассара. Я не хотел думать о том, что они также надругались над мамой. Настолько больно мне не было никогда. Это плевок в самую душу. Ударить больнее вряд ли возможно. Тронуть самое святое для мужчины: мать, сестру, жену, дочь. Испачкать самое чистое и неприкосновенное. Посреди всего этого безумия на роскошном белом коне гарцевал сам Од Первый, в длинном плаще до тошноты чистый, не измазанный кровью и в тоже время перепачканный ею с ног до головы. Он

осматривал оставшихся в живых жителей Валласа со снисходительной усмешкой на тонких губах. Высокомерный и уверенный в себе, а я рвался из рук лассарских псов, чтобы грызть его горло зубами.

– Сегодня великий день в вашей жизни. Валлас избавился от гнета Саанана. Все служители его будут сожжены, если не признают волю Иллина и не сложат оружие добровольно, признавая меня своим владыкой. Улыбайтесь вашему велеару, произносите вслух молитву великому Иллину и будете помилованы. Я великодушный велеар и я готов подарить вам жизнь.

Од Первый повернулся к эшафоту и посмотрел на моего отца.

– Ну что, Альмир Дас Даал, ты готов признать веру в своего Бога язычеством и принять иную – настоящую? Сложить оружие и отдать Валлас служителю самого Иллина и повелителю всего Соединенного Королевства?

Альмир приподнял голову, с трудом открывая заплывшие от побоев глаза:

– Да чтоб ты горел в кострах Саананских вечно. Будь проклят, и ты, и весь твой род. Нет у Бога имени – он един для всех, а вы – идолопоклонники, проповедующие власть того самого Саанана, но сами того не ведаете… или ведаете. Пусть твой Иллин поцелует меня в зад и отполирует мне языком яйца.

Велеар пришпорил коня и, прежде чем я успел выдохнуть, он отсек отцу голову. Кровь фонтаном брызнула на эшафот, и я услышал вопль матери, переходящий в вой, оглушительный крик сестры, а сам не издал ни звука. Я смотрел остекленевшим взглядом на голову Альмира и чувствовал, как внутри раскалилась и обжигает вены дикая ненависть. Она заглушает отчаяние, она анестезией замораживает боль от утраты.

– Мой Повелитель, мы нашли щенка. Сына Альмира – бешеной Валасской черной псины.

Стражники выволокли меня из толпы и швырнули под копыта коня велеара. Жеребец заржал и чуть не размозжил мне голову, но я увернулся и поднялся с колен, обвел взглядом стражников, прикидывая, скольких из них я смогу убить голыми руками, прежде чем меня порубят на куски. Од Первый несколько секунд смотрел мне в глаза, а я, тяжело дыша, и стиснув челюсти, мечтал о том, чтобы

вырвать ему сердце и раздавить в ладонях или выгрызть его зубами, ломая ему ребра голыми руками.

– Ну что, Рейн сын Альмира, ты готов, в отличие от своего отца, принять истинную веру и улыбаться в честь своего нового велеара? Я пощажу тебя, если ты преклонишь колени, а нет – сниму с тебя кожу живьем и подвешу на столб, кормить ваших валасских коршунов своим саананским мясом.

Я бросил взгляд на Далию, потом на Рейну – долго смотрел на них, прощаясь и чувствуя, как ненависть пульсирует в висках и пенится, выплескиваясь через край, материализуясь в безумие. Если выживу – раздеру проклятого убийцу на ошметки, на ленточки.

– Мне не нужна твоя милость. Милостыню раздавай в своем Храме. Пошел ты на хрен, Од Виар. Гореть тебе на пяти кострах вечно. Тебе и всему роду твоему проклятому.

Меня ударили рукоятью меча по зубам, хрустнуло в носу и от боли ослепило на секунду, но я снова выпрямился и, когда Од Первый приблизился ко мне, я сплюнул на него кровью, попал на полу белоснежного плаща и истерически расхохотался, когда он брезгливо поморщился. В ту же секунду ублюдок вынул из ножен меч.

– Держите выродка.

Меня схватили с двух сторон, выкручивая руки за спину. Раздался свист стали и белый круп коня велеара забрызгало алыми пятнами…

– Смейся, Рейн Даал. Улыбайся вечно. Если выживешь.

– А с этими что делать?

– Отдать солдатам на потеху, а потом вспороть животы и вышвырнуть в мертвую долину волкам на съедение. Не хоронить псов Валасских. Тело Альмира сжечь, а голову на кол насадить и, как пугало, в саду велеарском воткнуть. Пусть не будет их душам покоя.

Я открыл глаза, хотел закричать и не смог, мое лицо горело огнем, а от боли темнело перед глазами и из-под век сочились слезы – их разъедало от трупного смрада. Когда понял, где нахожусь, из горла вырвалось мычание, на большее я был не способен и не буду способен еще долгое время.

Я попробовал выбраться, продолжая стонать, как животное, всхлипывать выбираясь по холодным телам из ямы наружу, где стаями слетелись коршуны на страшное пиршество, терзая тысячи мертвецов, рассыпанных по долине. Я старался не смотреть вниз, но ощущал под ладонями руки и ноги, лица, погружался пальцами в развороченные грудные клетки и вспоротые животы, натыкаясь на мертвые взгляды, в которых застыл упрек тому, что я жив, а они все мертвы, и похоронить некому, и души их неприкаянными вечно будут. Когда выбрался из ямы – я уже стал другим, после такого больше не умеют жить по-прежнему, после такого не спят по ночам и никогда искренне не смеются. Я вернусь сюда позже…вернусь, чтобы найти тела матери с сестрой и похоронить в земле, как подобает, да простят меня все остальные.

Я не шел, а полз, умирая от жажды и голода, полз к лесу, где меня не должны были найти и где, как я помнил, протекал ручей. Я еще не знал, что с моим лицом, но я подозревал, что оно уже вряд ли похоже на прежнее. Боль настойчиво пульсировала в каждой поре, кожа занемела, но стоило мне даже просто поморщиться, как тысячи лезвий впивались мне в скулы и щеки, а я даже не мог закричать, только мычал и падал на землю, стараясь отдышаться и переждать, пока боль утихнет… Я так же чувствовал, как в боку ноет еще одна рана от кинжала лассарских тварей, которые подрезали меня у ворот, и я весь горю и дрожу, как в лихорадке, возможно, уже пошло заражение. Мне бы воды…хоть глоток, хоть каплю.

К лесу я дополз уже ближе к рассвету…добрался до источника и взвыл от отчаяния, когда понял, что пить не смогу, потому что каждая попытка пошевелить губами выбивала меня из сознания на несколько минут…когда я наконец-то склонился к ручью и увидел собственное отражение, то снова громко замычал, отпрянув в ужасе…а потом бил по воде кулаками, чувствуя, как расходятся раны на щеках в кровавой жуткой улыбке, пока не упал обессиленный и измучанный жаждой так бесполезно близко к живительной влаге. Я смотрел на зеркальную поверхность…видел в ней себя, как и отражение зверя с горящими зелеными глазами и волчьей пастью…Он стоял за моей спиной, ощетинившись и оскалившись. Вряд ли я смогу от него убежать, если только он не испугается меня сам…

***

Совершенно голый, босиком по снегу, он шел на запах. На её запах. Как всегда. Как год назад, пять лет и десять, потому что не забывал ни на секунду. Он мог узнать его через вечность, он бы различил его в горстке пепла, он бы учуял его через смрад и самые изысканные ароматы – потому что так могла пахнуть только она. Только её запах заставлял его звереть от ненависти, жажды крови и одержимости ею, настолько, что у него дрожали руки и трепетали ноздри. Ему было наплевать, сколько их там – он раздерет их на части потом, как куропаток, разгрызет их кости и сожрет жесткое мясо. Оно не будет мягким и сочным…скорее похожим на медвежатину. Тухлую и вонючую. Баорды никогда не нравились ему на вкус – он их убивал, но никогда не ел. Брезговал. Гайлары – не падальщики. Остановился и посмотрел на небо – луна вышла из-за туч и отразилась в его черных глазах без зрачков. Под кожей зашевелился муравейник, сухожилия перекатывались и трещали хрящи, а вдоль позвоночника прошла дрожью волна тех самых изменений, которые он сам призвал, продолжая смотреть на круглый диск в небе и чувствуя, как приходит боль, приветствуя и отдаваясь на её милость. Он привык к ней, они давно стали одним целым. Он принимал её и щедро дарил. О, как он любил её отдавать, а потом смотреть на агонию и пожирать последний вздох, впитывать крики, ощущая свою неоспоримую власть. Преимущество зверя над человеком. Захрустели кости, и его швырнуло на колени. Руки вытянулись, выгибаясь в локтях, выламываясь с треском в другую сторону, раздирая кожу, как тонкую пленку, когти прорвали подушечки пальцев. Он не рычал и не сопротивлялся, а расслабился, позволяя природе завершить обращение, закатывая глаза от изощренного наслаждения диким страданием, в предвкушении свободы, которая раскроет легкие с первым радостным воем зверя, которого он выпустил на волю. Вот она тишина, когда замерло все живое, признавая его истинным хозяином и господином этого леса по праву сильнейшего.

Через пару минут огромный черный волк рысцой побежал в сторону чащи, туда, где царила вакханалия смерти, горели костры и лилась кровь лассарских воинов. Сначала он позволит баордам сожрать живьем её личную охрану, а потом загрызет тех, кто останется в живых.

Он увидит её снова. Лицом к лицу. Спустя десять лет. Главное не поддаться искушению и не убить сейчас. Еще слишком рано. Охота только началась.

ГЛАВА 3. ОДЕЙЯ

Я смотрела, как искрится в малиновых лучах заходящего солнца снег, и сжимала сильнее поводья, сидя верхом на белоснежной кобыле, которая устало перебирала копытами, пока мы блуждали по лесу и никак не могли выйти к дороге.

Отряд остановился на опушке, и мы застыли, загнанные в ловушку в окружении мощных елей, чьи лапы гнулись под тяжестью снега. Я смотрела на своих людей, стиснув челюсти и сжав до боли поводья. В полной тишине, под завывание ветра между макушками, уходящими так далеко ввысь, что не видно и клочка неба.

От холода покалывало щеки, губы, даже тело под одеждой, и все понимали, что ночью станет еще холоднее, а если пойдет снег, то утром мы заледенеем. Воины, которые отправились обыскать местность, так и не вернулись. Опасные земли рядом с мертвой долиной. Гиблое место даже летом. И с каждой секундой таяла надежда, что они вернутся, как и надежда, что мы выберемся до заката.

Я старалась не думать о плохом, не думать о том, что загнала себя и своих людей в эту ситуацию только потому, что поступила наперекор советам Верховного Астреля, которого ненавидела настолько сильно, что иногда мне казалось – я могу убить его лично. Он был свидетелем моего унижения четыре года назад, и я не могла этого ни забыть, ни простить. Данат – единственный, кто видел мои слезы боли, видел меня голой, униженно стонущей от мучений под раскаленным железным клеймом. Он упивался своей властью, а я чувствовала это каждой клеточкой – его наслаждение. Когда-нибудь я сдеру с него расшитую золотом и каменьями рясу и поставлю клеймо на каждом клочке его рыхлого тела. Ублюдок будет визжать, как свинья, а я буду смотреть, как дымится его розовая кожа, и наслаждаться агонией. Когда-нибудь я залью ему в глотку красный металл, ради которого Астрель превратил меня в ниаду – пусть захлебнется.

– Мы крутимся несколько часов на одном и том же месте – я вижу следы наших же лошадей. Саанан раздери этот проклятый лес. – крикнул Галь – командир моей личной охраны, а я потерла замерзшие руки. Даже кожаные перчатки с мехом не греют. Все же придется ночевать здесь, а утром снова плутать в поиске развилки.

– Делаем привал, Галь, – сказала я и соскочила с лошади, передала поводья одному из воинов и осмотрелась по сторонам. Стратегически опасное место, как в ловушке, но лучше, чем в чаще, где между деревьями нет даже просвета.

Мы разбили лагерь, когда солнце почти село за горизонт. Воины развели костер и запалили факелы, освещая опушку и заодно отпугивая диких зверей. Черный лес славился жуткими историями о волках-людоедах. Двое солдат так и не вернулись, и мы уже не надеялись, что они живы. Повсюду могли быть капканы баордов, которые до сих пор нам удавалось избегать. Я присела на ствол поваленной ели рядом со служанкой, и сняла перчатки, протянула руки к огню, согревая пальцы.

Моран ободряюще улыбнулась мне, а я тяжело вздохнула, глядя на ее синие губы и бледное лицо. Моя преданная и отважная Моран, готовая умереть за меня, если понадобится. Она добровольно поехала в Валлас. Несмотря на то, что уже давно была свободной – я подписала ей вольную еще несколько лет назад и скрепила печатью велеара, но она не ушла. Осталась рядом. Её подарили мне на день рождения – девочку моего возраста. Выкраденную с Валласа еще ребенком торговцами живым товаром и проданную в рабство. Маленькая язычница с кожаным шнурком на шее и кулоном в виде волка, вырезанным из дерева. Она смотрела на меня огромными карими глазами и ожидала, кем я окажусь для нее: палачом или другом. С тех пор прошло пятнадцать лет, и у меня нет никого, кому бы я доверяла так же, как ей.

– Мы выйдем отсюда, – тихо сказала я, – обязательно выйдем. Дождемся утра и найдем дорогу.

– Выйдем…боги сказали мне…

Я приложила палец к губам, и она замолчала, а я посмотрела на костер, пожирающий сухие ветки.

– Дикое место, здесь могут бродить гайлары, – прошептал один из воинов и осенил себя звездой, – говорят, во времена правления Альмира в этой части леса находили обглоданные и раздробленные людские кости. И это не баорды.

Галь рассмеялся.

– Боишься? Так ты не ходи отлить за костры, Фаб, гайлары увидят твой голый зад и отгрызут тебе яйца.

– Если бы они у него были – он бы не боялся гайларов. Видать, в детстве их уже кто-то отгрыз.

– Заткнись, Ларри, не то я оторву тебе твои и заставлю сожрать.

Мужчины расхохотались, а я снова посмотрела на огонь.

Нет, я не жалела, что, вопреки всем доводам рассудка, тронулась в такой опасный путь и блефовала перед астрелем, будь он трижды проклят, старый жадный урод. Совет не давал никакого одобрения, а я воспользовалась отсутствием отца и получила его обманом, убедив Менеаля в том, что такова воля Ода Первого. Впрочем, я думаю отец мечтал избавиться от моего присутствия в Лассаре, он уже давно хотел отправить меня обратно в Тиан или любое другое место. Хотя и утверждал всегда, что любит свою огненную девочку, приезжая несколько раз в год навестить. Я ему не верила. Когда любят, хочется видеть постоянно, каждую секунду. Когда любят, скучают, как я по нему и братьям. Если бы мне было можно спокойно разъезжать по Лассару, как мужчинам, я бы навещала их каждый день, но они не приезжали ко мне – значит, это их выбор. Стыдятся слухов, которые распускают люди. Унизительно для велеара, который любил идеальность во всем и шел в бой с именем бога на устах. Тогда как его единственную дочь называли саананским отродьем. Шеаной. Ведьмой. Я всегда знала, что говорят у меня за спиной еще с детства, а мои волосы неизменно прятали под чепцы и шапочки, скрывая их красный цвет. Пусть даже отец и говорит, что все молчат, и он вырвет язык любому, кто скажет плохое слово обо мне. Я ему не верила. Вернее, я точно знала, что любой обидчик будет повешен или четвертован на площади Лассара по приказу отца, но не потому что оскорбил его маленькую девочку, а потому что посмел сквернословить о дочери самого Ода Первого. Любовь не живет в словах, она живет в поступках, а когда поступки вызывают сомнения в ней, то её там и нет вовсе. Если вы задаетесь вопросом любит ли вас человек, то, наверное, уже можно его не задавать вслух – ответ до боли очевиден. Став ниадой, я больше не могла быть для людей ведьмой, теперь я невеста Иллина. Святая. Правда, отказавшись от пострига, я вновь породила волну слухов. Мне уже было всё равно. Я хотела пройти коронацию до возвращения отца и братьев, стать велеарой Валласа.

***

Меня сопровождали лучшие воины, из тех, что остались в Лассаре после призыва. Астрель проследил, чтобы мне не дали надеть доспехи и военное обмундирование. Теперь я была бесполезна в белой накидке и длинном, громоздком платье, как и любая служанка. «Не пристало ниаде разъезжать в мужских тряпках и железках, чтобы мужчины глядели на нее». Можно подумать, кто-то рискнул бы коснуться ниады. Никто не хочет подыхать. Виновному отрубят пальцы, а потом снимут кожу живьем, прибьют к звезде и на радость голодным воронам и ястребам, повесят вдоль большой дороги.

Я подумала о гибели Аниса и почувствовала, как сердце снова болезненно сжимается в твердый камень. Нет, я не плакала. Свое потрясение пережила, когда гонец принес известие из Валласа. Целый день не выходила из комнаты и смотрела в одну точку, но так и не заплакала. Разучилась или выплакала так много за годы заточения в Тиане, что слез давно не осталось. Я просто понимала – пустота внутри меня стала больше. В моем сердце теперь просторней и скоро там будет звенеть от опустошения. Анис – единственный из братьев, с кем я была близка. Единственный, кто практически жил в этом своеобразном заточении со мной добровольно и любил меня. Он был всего лишь на три года старше. Ан научил меня всему, что знал сам. К семнадцати годам я владела всеми видами холодного оружия в совершенстве, как и подобало дочери велеара. Кто мог желать Анису зла? Ведь он был слишком мягок и добр, чтобы нажить врагов так быстро. Я никогда не поверю, что его разорвал дикий зверь. Ан – самый лучший охотник, самый меткий стрелок и искусный воин, он бы убил любого зверя голыми руками. Мой любимый Ан, который перебирал мои волосы и воспевал их цвет своим бархатным голосом. Анис Красивый – так прозвали его люди. Светловолосый, с глазами такого же цвета, как и у меня, высокий и сильный. Когда смотрела на него, то чувствовала, как сердце согревает любовь. Зачем отец отправил его одного так далеко? Разлучил нас. Почему не позволил поехать вместе с ним? Впрочем, я ведь прекрасно знала ответ на этот вопрос – велеар надеялся, что я все же приму постриг.

От одной мысли об этом внутри поднималась волна дикой ярости. Почти такой же, как когда я узнала о смерти Лу. Нет, я не скорбела о муже, потому что видела всего лишь раз в жизни – на брачной церемонии. Я понимала, что он женится не на мне, а на численности армии моего отца и на моем щедром приданом, которое велеар увеличивал с каждым годом, разыскивая для меня женихов. Суеверные высокородные болваны боялись породниться с

красноволосой велеарией, чтобы в их роду не появился ребенок с таким же цветом волос. Никто не отказывал в открытую Оду Первому, но и никто не сватал. Отец подождал несколько лет, пока не понял, что пора мою судьбу решать самому.

Когда мне сообщили о смерти мужа, я плакала от злости и проклинала мятежников, потому что поняла – это приговор. Медленная казнь длиною в жизнь. Новое заточение – и теперь уже без права и шанса на освобождение.

С этого момента я была как прокаженная в своем собственном государстве, в своей семье. Похороненная заживо и в то же время более живая, чем кто-либо из придворных. Мне пророчили будущее на Юге, повелевать на островах и жить у Большой Бездны, где море плескается о камни, а горячий песок никогда не становится белым от снега, а вместо этого меня либо отправят в Тиан, либо запрут здесь в Храме. Моя жизнь разделилась на «до» и «после» тонкой багровой линией на шее Лу, там, где голову отделили от тела. Я смотрела на его лицо с короткой рыжей бородой, веснушками на щеках, которые стали коричневого цвета из-за синевы холодной кожи, и понимала, что меня начинает тошнить еще больше, чем когда я представляла себе, как он будет ко мне прикасаться.

Ведь я умерла вместе с ним, и это меня хоронят в гробу из красного металла с бесчисленными венками из желтых роз. Это меня отправляют на узком плоте по Лассарскому озеру и пускают вслед горящие стрелы, чтобы моя мертвая плоть превратилась в пепел, развеянный над рекой. Потому что с этого момента я больше не женщина. Я – ниада. Вдова, которая так и не стала женой. Мои мечты, желания, фантазии уплыли по синей воде в никуда вместе с трупом мужа.

Иногда я раздевалась у зеркала и подолгу смотрела на свое тело, слушала лесть служанок и думала о том, что могла бы быть жуткой уродиной – это все равно ничего бы не изменило. Иногда мне самой хотелось взять кинжал и исполосовать себя до мяса, чтобы понять, что я еще жива, чтобы в этом однообразии изменилось хоть что-то. Чтобы отец приехал из своих вечных походов или кто-то из братьев навестил меня. Но они все слишком стыдились, чтобы любить в открытую. Идеальность нарушена – Од Первый не само совершенство.

Зачем мне это тело, которое больше никогда не увидит мужчина, зачем мне эти волосы, к которым никогда никто не прикоснется, кроме моих служанок? Я даже

не знаю, что такое любить… Судьба, проклятая лживая тварь, выдрала у меня даже это, едва дав потрогать кончиками пальцев языки пламени…Я уже любила.Война отобрала его у меня. Выдрала с мясом. Хищника…Так я его называла. Мальчишку с серо-зелеными волчьими глазами и лицом, как на картинах художников. Валласара.

– Деса Одейя, – я вздрогнула, очнувшись от воспоминаний, и перевела взгляд на одного из наших воинов, бегущего к костру и размахивающего руками, – баорды. Их десятки. Они идут сюда, я увидел их с вершины ели – они крадутся, как звери, в кромешной тьме без единого огонька, – воин подбежал ко мне, задыхаясь, склоняя голову в поклоне, – Их очень много. Они могли запросто нас окружить.

Я почувствовала, как по спине прошел холодок ужаса. Баорды – нелюди, одичавшие изгнанники, сосланные умирать в лесах и пустынях Соединенного Королевства. Они – каннибалы, выживают любыми доступными способами. Мало кто остался в живых после встречи с ними, но те, кто выжили, говорили, что баорды закутаны в цельные шкуры медведей и могут рвать добычу голыми руками и зубами. Со мной всего два десятка воинов, нескольких мы потеряли. Они так и не вернулись с разведки. И здесь не наша стихия – это для баордов дом родной, а мы чужаки, против которых будут даже ветки на деревьях. Тем более мы не знаем этот лес, и у нас нет проводника из местных жителей. Я посмотрела на Галя, который нервно покусывал губы, глядя на то на своих воинов, то на меня.

– Мы их задержим, – наконец-то сказал он, – а вы бегите. Бегите так быстро, как только сможете в том направлении, которого мы старались держаться. Мы близки к развилке, я точно знаю.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как от волнения разрывает легкие. Я не могу их бросить. Не могу бежать, прятаться. Дочь велеара не трусливое животное. Меня учили сражаться и смотреть в глаза опасности, а не бегать от нее.

– Дайте мне оружие – я буду сражаться вместе с вами. Пусть Моран бежит одна. Зажгите факелы – подавайте сигнал бедствия, если мы рядом с развилкой, Дас Ангро должен увидеть огни, и его отряд придет нам на помощь.

Галь нахмурил густые брови и шумно выдохнул.

– Моя Деса – это не солдаты и не мятежники, это баорды. Они – одичавшие людоеды, и этот бой не будет равным. Сила на их стороне. Вы не знаете, с чем имеете дело. Мы не продержимся долго, а если они вас схватят…

– Не схватят, – жестко сказала я, думая о том, что быстрее погибну, если буду бегать по этому проклятому лесу одна. – ваш второй меч, Галь, дайте его мне.

– Деса, я умоляю вас, надо бежать, – простонала Моран, глядя на меня расширенными от ужаса глазами, – Галь прав. Баорды – жуткие твари и они слишком сильны, мы можем спрятаться, и они нас не заметят. А утром…

– Поздно, – мрачно сказал Галь и протянул мне меч, – вы уже не успеете, они пустят по-вашему следу своих диких псов и загонят вас, как животных. Пусть Моран бежит, может быть сможет привести отряд Астреля. Разжечь костры – это сдержит псов, становитесь в круг! Защищать велеарию до последней капли крови, и пусть Иллин нам поможет выстоять!

Он протянул мне меч, стараясь не коснуться моей руки без перчатки.

– Для самообороны. Не смейте высовываться. Деритесь только в том случае, если никто из нас уже не сможет вас защитить. А лучше – ловите момент и бегите.

Мы окружили себя кострами, как стеной, отступая дальше к чаще. Воины оттеснили меня в середину круга, закрывая со всех сторон. За языками пламени было не видно, насколько враг близок, и я сильно сжала рукоять меча, глядя на широкие спины моих солдат и ощущая, как адреналин начинает вскипать в венах и гудеть в висках. Каждый рваный вздох, клубом пара вырывающийся со рта, отсчитывает секунды до начала бойни.

– Не нападать! Только обороняться! Держать плотное кольцо!

Первыми на нас набросились их псы, тощие рычащие твари с опаленной нашими кострами серой шкурой. Они клацали острыми клыками, царапая доспехи воинов, и тут же мерзко скулили, получая смертельные раны от острых мечей. Псины падали замертво, окрашивая снег в красный цвет, и к моим ногам

подкатывались их головы с острыми ушами и худыми, узкими мордами. Похожи на шакалов или гиен, но прирученные и обученные убивать в команде со своими жуткими хозяевами.

– Где эти проклятые ублюдки? Почему не выходят сами? – хрипло спросил один из воинов, и напряжение повисло в воздухе. Каждый из нас ощущал его кожей, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам, силясь разглядеть через клубы дыма притаившегося врага. Оказывается, страшно не только когда нападают со спины – страшно не видеть, откуда на тебя обрушится смерть, и понимать, что обрушится она непременно, и твой пульс отсчитывает секунды до кровавой бойни.

– Они выжидают, вселяя страх неизвестностью. Такова их стратегия. Не размыкать круг и не двигаться. Они рядом. Я чувствую вонь их грязных шкур и запах медвежьего жира, которым они мажут свои тела.

В этот момент послышались отвратительные гортанные крики. Они взорвали тишину так резко, что у меня заложило уши. Я не видела нападавших, меня защищали с дикой яростью, отбивая нападение и не размыкая круг. Мечи со свистом рассекали воздух, и я слышала крики и стоны с обеих сторон. Смотрела в спины моих солдат расширенными от ужаса глазами, видя, как на них набрасываются твари, полностью укутанные в медвежьи шкуры, с грязными лицами и сверкающими дикими глазами. Так похожи на людей, и тем не менее давно переставшие ими быть. Они сыпались, как горох, с разных сторон, и все плотней сжималось живое кольцо. На глаза навернулись слезы от понимания, что все мои воины готовы ради меня умереть. Моя охрана, парни, которых Ан отобрал лично. Каждый присягнул в верности и поклялся жизнью защищать свою велеарию. Я никогда не думала, что им придется это делать в полном смысле этого слова.

– Держаться! Ни шагу в сторону! Ублюдки! Проклятые дети Саанана, чтоб вам гореть в пекле, мать вашу!

Но их было слишком много, слишком, чтобы мы смогли выстоять. Первым к моим ногам упал самый молодой из солдат, держась за лицо окровавленными ладонями.

– Они выдрали мне глаза, – орал он и корчился на снегу. Я наклонилась к нему, но в этот момент парня кто-то дернул за ноги и резко утащил в темноту леса, откуда послышались душераздирающие крики и чавканье. Круг был разорван, и я видела, как вспыхивает бликами сталь мечей, как падают на снег черные туши баордов, и в свете факелов сверкают доспехи воинов.

Я сильно сжала рукоять меча, тяжело дыша. Только сейчас я поняла, о чем говорил Галь. Баорды – жуткие, кровожадные ублюдки. Мне действительно не справиться с ними. Я без доспехов, и слишком слаба против этой бешеной орды. Они двигались в странном танце и нападали точно, как звери, едва им удавалось сбить противника с ног. Баорды вспарывали горло моим людям с такой легкостью, словно это были цветы на стеблях. Их было слишком много и нападали они всей толпой, заваливая воинов и полосуя острыми, как когти, кинжалами с такой силой, что кровь фонтанами била из рваных ран на горле, а я с расширенными от ужаса глазами смотрела, как умирают мои люди, и все сильнее сжимала меч, закрытая уже всего лишь двумя спинами.

– Бегите, Деса, бегите мы их задержим, – заорал Галь, когда баорды с воплями бросились в нашу сторону, размахивая короткими кривыми мечами и улюлюкая, – мы больше не сможем вас защитить. Спасайтесь. Пусть Иллин вам поможет! Молитесь за нас, Деса Одейя!

Я увидела, как твари толпой накинулись на Галя. Он яростно отбивался, полосуя их мечом, отсекая головы, но их было слишком много на него одного. Они все же завалили его в снег и начали разрывать на части голыми руками. Я спряталась за деревьями, тяжело дыша и зажмурившись, чувствуя, как по спине ручьями стекает холодный пот, и тошнота подступает к горлу.

– Молитесь за нас! За наши души! – последний крик Галя, и я поняла, что это конец.

Мы в каком-то адском месте, где люди перестали быть людьми, где они жрут друг друга, как животные. Я, осторожно ступая, двигалась спиной к чаще. Пока они, занятые жутким пиршеством, не заметили меня. Мне казалось, что не заметили…но я ошиблась. Меня просто пока не трогали, но едва я попыталась бежать, как ко мне повернулись сразу несколько лиц, перемазанных то ли грязью, то ли жирной, лоснящейся краской и кровью. Я судорожно сглотнула, увидев, как трое из них поднялись, отрываясь от стонущей в агонии жертвы, и пошли ко мне, выкрикивая что-то на гортанном языке. Я все еще слышала

душераздирающие вопли моих солдат и чувствовала, как от ужаса и отвращения к горлу подступают спазмы, и по телу ползут мурашки.

Баорды не спешили нападать, они смеялись, переглядываясь, и загоняли меня в чащу, потому что точно знали – я не сбегу. Некуда бежать. Я прислонилась спиной к дереву, задыхаясь выставила меч впереди себя. Насколько мне хватит меча? На минуты, пока его не выбьют из моих рук. Я заставила себя успокоиться. У меня есть еще одно оружие, о котором никто из них не подозревает – моё тело. Я сорвала перчатки с рук и швырнула в снег, потом сбросила накидку. Разорвала шнуровку платья, лихорадочно стягивая рукава. Баорды смотрели на меня и не двигались с места. Когда я осталась полностью обнаженной, они расхохотались, переглядываясь и скалясь. Я знала, о чём они думали – им предлагают утехи взамен на жизнь. Будь это на самом деле так, то меня бы сначала отымели, а потом всё равно сожрали. Я предлагала им боль, но они об этом не знали.

Колючие снежинки обжигали кожу, заставляя покрываться мурашками, а ветер трепал волосы, и они хлестали меня по голой спине, как мокрые плетки.

Мне не было холодно – адреналин взрывал меня изнутри. Давайте, ублюдки, я поджарю вас живьем. Голыми руками вы меня не возьмете.

Вдобавок ко всему я успею порезать некоторых из вас на ленточки, а потом перережу себе глотку. Только сейчас я поняла, почему Галь все-таки дал мне меч. Он знал, что я с ними не справлюсь, но также знал, какое решение я могу принять.

Один из баордов подошел ко мне, скалясь желтыми зубами и источая зловонный смрад кислого жира. Он протянул руку, но едва коснулся моего плеча заорал от боли. Его пальцы задымились, а я расхохоталась. Да, ублюдок, задача усложнилась. Прикидываешь, как куски моего мяса выжгут тебе брюхо изнутри?

Баорд взревел, выхватил кинжал и метнул в меня, я успела уклониться, но сталь царапнула кожу на плече.

И вдруг что-то изменилось. Все замерли. Даже воздух застыл на месте. Словно все живое притаилось в ожидании.

Я услышала совсем иное рычание, оно нарастало где-то вдалеке и постепенно превращалось в оглушительный рык. Баорды нервно переглядывались, а я, тяжело дыша, держала меч обеими руками и тоже не шевелилась. Они чего-то испугались. Они все.

По моей спине градом стекал ледяной пот, а руки с мечом ходили ходуном. Я ничего не понимала, пока не увидела огромного волка в прыжке.

Он словно выскочил из ниоткуда, из темноты за моей спиной, и приземлился массивными лапами в снег, поднимая бело-кровавые брызги в воздух. Полоснув меня ярко-зелеными страшными глазами, зверь оскалился, а у меня перехватило дыхание от ужаса. Огромный, с острыми белоснежными клыками, он несколько секунд смотрел на меня, а потом медленно повернулся к баордам. Волк, потому что эта тварь на него походила…но не более. Он был больше в несколько раз.

Пока я пыталась справиться с оцепенением и вздохнуть, волк ощетинился, наступая на людоедов. Очень медленно, пригнув голову и издавая тихий рык на одной ноте. Рык, от которого выжившие псины баордов бросились врассыпную. А я, словно под гипнозом, смотрела, как под его лапами остаются огромные следы, он идет, не торопясь, втаптывая капли крови в снег с хрустом, который бьет по натянутым нервам.

Зверь остановился, закрывая меня от толпы одичавших нелюдей. Никогда не видела ничего подобного и не представляла, что такие монстры существуют в природе. Его черная шерсть переливалась в свете факелов, а глаза фосфорились металлическим блеском хладнокровного убийцы, и он прекрасно знал, кого убьет первым. Он не спешил, как будто раздумывал или давал им время на раздумья.

Баорды в очередной раз переглянулись, осторожно отступая, но волк словно ждал первого движения и не дал им шанса. Когда он напал на них, меня затошнило от ужаса и отвращения. Уже через секунду я, зажмурившись, слушала как хрустят кости, как дико и истошно вопят людоеды, которые теперь сами стали добычей чудовища.

Я попятилась назад, стараясь не смотреть, что там происходит, споткнулась о чье-то тело и упала на четвереньки, закрыла уши руками. Не знаю, как долго длилась эта вакханалия смерти, мне казалось, что целую вечность, пока вдруг

все опять не стихло. Ни звука…только завывание ветра и шорох осыпающегося снега вперемешку с моим бешеным сердцебиением. Где-то вдали стоны тех, кто выжил, заглушаемые порывами ветра. Я все еще не решалась открыть глаза, а когда открыла, чуть не закричала, увидев морду чудовища прямо перед собой. Он сидел напротив меня, голой, стоящей на коленях и дрожащей от страха, как в лихорадке. Жуткий с горящими глазами и окровавленной пастью. Я смотрела на него, прерывисто дыша и не смея пошевелиться. Пока он вдруг не склонился ко мне еще ближе, обнюхивая. Я судорожно сглотнула, глядя на огромную морду с переливающейся обсидиановой шерстью, массивной холкой и широкой шеей, которую и руками не обхватить. Всхлипывая и дрожа всем телом, смотрела зверю в глаза и понимала, что, если бы не он – меня бы сожрали живьем баорды. Но кто знает, кто из них опасней? Волк вытянул морду вперед, тронул носом мои волосы и снова отпрянул. Несколько секунд глаза в глаза. Никогда не видела у животных такого взгляда, а ведь у отца был вольер с белыми леопардами, я часто смотрела в глаза диким зверям и могла прочесть в них что угодно…всё, кроме этого странного выражения, словно…этот волк меня знает. Словно он не животное, а человек. Потому что он явно думал, пока смотрел на меня, и, самое страшное, я не знаю, о чём. Возможно выносил мне приговор. Зверь вдруг коснулся языком моего плеча, и я чуть не заорала от ужаса, потому что он слизал с него кровь.

Мне стало до безумия страшно пошевелиться, и я боялась, что он все же нападет, но он только смотрит, не моргая. Сглотнув, я перевела взгляд на его приоткрытую пасть, заметила старые шрамы с обеих сторон, там, где тонкими кривыми полосами отсутствовала шерсть. Посмотрела вниз на его лапы с острыми когтями и увидела, как в снег упала капля крови, снова подняла взгляд на зверя и только сейчас заметила на массивной шее рваные раны от кинжала баордов. Протянула руку, и он оскалился, зарычал так громко, что я всхлипнула, мне даже показалось, что от силы этого рыка мои волосы откинуло назад.

Волк опять обнюхал мои волосы, лицо, и я прикрыла глаза, все так же рвано дыша и тихо всхлипывая от панического ужаса.

А он вдруг попятился назад, а потом просто ушел вглубь леса.

Я так и осталась сидеть в окровавленном снегу, посреди разорванных трупов с мечом в руке…пока не почувствовала, как темнеет в глазах и кружится голова, плывет сознание.

Пришла в себя ненадолго, понимая, что лежу в снегу, почувствовала, как кто-то укутал меня во что-то очень теплое, источающее запах костра, крови и еще один едва уловимый, показавшийся мне смутно знакомым, а потом поднял на руки. В воспаленном мозгу вспыхнуло удивление – кто осмелился меня касаться? Кто настолько безумен, что решился нести голую ниаду на руках?

С трудом приоткрыла глаза и, увидев железную маску с горящим под ней зеленым фосфором взглядом, вздрогнула и со стоном окончательно провалилась в темноту.

ГЛАВА 4. АСТРЕЛЬ

– Они мне не нравятся, – прошептал Фао, склонившись к Саяру, – кучка преступников, которым мы доверили свои жизни. У меня какое-то странное чувство, что это ловушка. Посмотри на них, они не сказали ни слова – стоят, как каменные изваяния, словно не охраняют нас, а сторожат, чтоб не сбежали. Где их предводитель? Может, он сам дал деру и бросил нас? Или те твари убили всех в проклятом лесу вместе с велеарией и этим монстром в железной маске, а теперь идут сюда…

Где-то вдалеке раздался оглушительный звериный вой, и по коже Фао поползли мурашки ужаса, а волосы на затылке зашевелились. Лошадь инстинктивно шарахнулась в сторону, и астрель судорожно сжал поводья. В его зрачках отражались безмолвные черные всадники, стоящие в ряд у обрыва.

– Что это, Саанан раздери? Что это было? – но взгляд от меидов так и не отвел, а те даже не вздрогнули от страшного воя. Охрана Астреля плотно сбилась позади, готовая в любой момент обнажить мечи. Они тихо перешептывались, явно взбудораженные звуком. Громко фыркали перепуганные лошади, переминаясь с ноги на ногу. Слухи о гайларах никогда не смолкали и передавались из поколения в поколение. Но сам астрель никогда в них не верил – пятикнижье гласило, что все проклятые твари истреблены тысячи лет назад во имя Иллина, и ни одна не осталась в живых, а он привык верить священному писанию. Но этот страшный вой заставил его на мгновение подумать именно о них. О тварях в образе волка, которые пожирают человеческую плоть, выгрызают целые деревни и города.

– Волки. Всего лишь волки, которыми полон и этот лес, и эти земли. Вы просто устали от ожидания, мой Дас. От ожидания и от трудной дороги. Меида не так-то просто убить – он один утянет за собой десять лучших воинов Лассара, не то что кучку баордов. Командор скоро вернется.

– Почему они не спешат к нему на помощь? Его уже нет довольно долго!

– Потому что у них приказ не двигаться с места, и они смеют ослушаться своего… командора.

Астрель обеспокоенно осмотрелся по сторонам.

– Мне все это не нравится. И я помню указ велеара о призыве каждого из мужчин достигшего четырнадцатилетнего возраста. Разве мог он не взять таких сильных воинов, как меиды, в помощь против проклятого язычника Меера?

– А кто будет охранять дороги к Лассару и границы?

– А зачем их охранять, если зимой они непроходимы?

– Но ведь мы идем по ним сейчас, а значит могут и другие. Вы должны успокоиться и дождаться командора. Может все далеко не так плохо, как вы думаете, а паника не лучший советчик. Смотрите! – глаза Саяра расширились, – Там!

Астрель резко обернулся в сторону леса – вороной конь меида галопом выскочил из-за заснеженных деревьев, высекая из-под копыт белые брызги. Издалека он походил на саананского жеребца с развевающейся длинной гривой и струями пара, которые валили из ноздрей, словно выскочил из Преисподней, а верхом на нём Саанан в человеческом обличье. Словно из той самой, запрещенной законом Лассара, легенды о всаднике смерти. О лютом звере, который придет на землю пожирать души праведников.

Фао не мог отвести от меида взгляд, его словно пригвоздило к седлу, так как он видел нечто завораживающее и вселяющее ужас одновременно – на фоне черного плаща командора и лоснящейся шкуры коня ярко выделялись красные полосы, они развевались на ветру, опутывая самого всадника кровавыми

веревками, алыми змеями струились почти к самым копытам вороного жеребца. Из-за туч вышла полная луна, и игра света увеличила тень всадника до невероятных размеров. И там, на тени, казалось, что это он сам кишит змеями, они словно растут из его тела. Фао осенил себя звездой и шумно выдохнул, читая про себя молитву, пока меид не приблизился настолько, чтобы астрель смог понять, что это за саананское видение ввело его в заблуждение. Пока не рассмотрел в седле меида девушку, завернутую в полу плаща. Кроваво-красные волосы велеарии Одейи окутали и круп коня, и самого командора. Именно они и создали жуткую иллюзию, которая повергла Астреля в состояние шока.

***

Конь встал как вкопанный, едва его хозяин натянул поводья, прижимая к себе девушку одной рукой.

– Баорды разгромили отряд велеарии, – крикнул он, оглядывая воинов, – но что-то их спугнуло, и они бежали вглубь леса. Ренат, возьми наших и людей Астреля – осмотрите местность, соберите оружие и снимите доспехи с мертвых, будем двигаться дальше, к переправе. Надеюсь, Дас Ангро благословит наш путь.

– Ты посмел коснуться ниады, смертник! – зашипел астрель, который наконец-то обрел дар речи и вышел из оцепенения, – Тебя за это казнят!

Всадник резко обернулся к священнослужителю и громко расхохотался.

– Меня уже раз пять казнили. Считайте, я давно труп, как и все мы здесь, – позади раздался хохот меидов, а командор слегка пришпорил коня, и тот двинулся навстречу к астрелю, – разве можно казнить мертвеца?! Или вы верите в то, что они умеют возвращаться с того света?

– Я верю в свет, меид. Верю в Иллина. А мертвецы покоятся в своих могилах и никогда не восстанут из них, так как это противоречит священному писанию.

– Свет – это обратная сторона тьмы. Как зеркало…Почему вы уверены, что находитесь на правильной стороне, Дас Ангро? Вы так уверены, что поклоняетесь свету?

– Вера сильнее любых доказательств – она в них не нуждается.

– В таком случае вам нечего бояться, не так ли? Ведь ваш Иллин защитит вас.

Фао отшатнулся от меида и бросил взгляд на велеарию, укутанную в его плащ, подбитый черным мехом. Наслышанный о ней и её внешности, астрель все же не мог отвести взгляд от саананских волос, которые кровавыми змеями струились по черному плащу меида. Вблизи они завораживали так же, как и её белая кожа на фоне черной рубахи командора.

Астрелю захотелось молиться или ослепнуть. Его об этом предупреждали, но он не верил. Его никогда не волновали женщины, он считал себя неподвластным такому недугу, как поклонение или восхищение женской красотой. Соблазн – это всего лишь происки Саанана, не более. Астрель в силах выстоять перед любым искушением.

– Каким плотоядным взглядом вы взираете на непорочную ниаду, уважаемый астрель, – но тот, словно его не слышал, он продолжал смотреть застывшим взглядом. – разве не грех потакать реакции плоти?

Там, где девушка прислонилась щекой к груди командора, в вырезе полотняной рубахи, дымилась кожа, но командор словно не замечал этого. Астрель поежился и, тряхнув головой, посмотрел на страшную железную маску и похожие на волчьи серо-зеленые глаза под ней. По коже прошел мороз, и Фао, бросив взгляд на Саяра, угрюмо сказал:

– Не богохульствуй, меид. Иллин покарает каждого, кто прикоснулся к священной ниаде. Рано или поздно его гнев настигнет и тебя.

Человек в маске громко расхохотался, и разговоры снова смолкли, все обернулись к ним, а мужчина посмотрел сверху вниз на астреля:

– Если она так священна, может, стоило бросить ее в лесу, чтобы ваш Иллин позаботился о ней? Запомните, астрель, если ваш опыт настолько мал, что трактовать древние писания вы умеете, только выучив наизусть пятистрочье, иногда стоит мыслить глубже и шире, выходить за рамки вашего узкого религиозного мирка. Спасение часто приходит в виде чудовищных деяний, а наказание зачастую маскируется за протянутой рукой помощи. Или, по-вашему,

стоило оставить её там на съедение баордам и волкам?

– На все воля Иллина, – выкрикнул Фао и гневно посмотрел на командора, он не любил словесные ребусы, но прекрасно понял наглого смертника, – Не нам нарушать планы Всевышнего, возможно, для неё было бы лучше остаться в лесу и умереть там, как было предначертано ей свыше.

– Возможно, – зловеще ответил меид, выпрямляясь в седле, – вполне возможно, именно так и есть.

– Здесь её служанка, командор.

Меид посмотрел на хрупкую черноволосую женщину в одежде оруженосца. Скорее, похожую на мальчишку, если бы не длинный хвост и тонкие черты лица. Держалась она воинственно и, казалось, совершенно не боялась командора. Он кивком головы подозвал её к себе. Женщина нервно теребила в руках шнурок то ли с медальоном, то ли со звездой, и смотрела на меида, как на Бога, а едва подошла к командору, вдруг рухнула на колени и прижалась губами к поле его плаща.

– Вы спасли её…спасибо. Я думала, что уже не увижу мою госпожу живой.

Меид несколько секунд смотрел ей в глаза, потом перевел взгляд на тонкий кожаный шнурок, который та наконец-то выпустила из пальцев и на котором красовался вырезанный из дерева образ волка, задравшего морду в победном вое, и снова посмотрел в глаза служанки.

– Встань с колен, не благодари. Валласы не рабы, даже если их продали в рабство.

– Моя госпожа…

– Продолжит путь на моем коне вместе со мной. Её кобылу разорвали на куски, а у нас нет лишней лошади, как, впрочем, и времени.

– Её нужно одеть!

– Во что? В одежду с мертвых воинов или в шкуры баордов?

Женщина тяжело вздохнула.

– Она цела?

– Цела, – ответил командор, – испугалась тварей и сильно перемерзла. Позаботитесь о ней в Валассе, а сейчас нет на это времени.

– Велите разбить шатер. Они вас послушаются, – дерзко сказала рабыня, – мы можем переждать бурю здесь. Она не может продолжать путь с вами в таком виде! Это не просто девка, а велеария. Дочь Ода Великого – нашего Повелителя.

– Как быстро ты сменила господина, рабыня, забыв, кто ты такая. Нет времени для шатров. Но ты можешь переодеть ее здесь при всех, если хочешь. Твоя госпожа разделась наголо перед баордами, как продажная девка, не думаю, что её смутит десяток воинов – меидов и парочка стражей астреля.

– Как вы смеете сквернословить о вашей велеарии? Она защищалась – её тело и есть оружие, – гневно воскликнула Моран, – Каждый, кто прикоснется, будет гореть заживо. Это страшно. Ни один мужчина никогда не прикоснулся бы к ниаде. Она святая!

– Неужели?

Меид демонстративно откупорил флягу с дамасом и плеснул на ожог на руке. Жидкость зашипела и запузырилась, а Моран смертельно побледнела, и её зрачки расширились.

– Нет ничего невозможного, если есть желание. Слово «невозможно» придумали либо трусы, либо лентяи или глупцы. Невозможна только луна днем и солнце ночью, так как неподвластны ничьим желаниям, они лишь явления природы. Всё, чего мы желаем – возможно. Скоро начнется ураган, он принесет ледяной холод и смерть. Нужно успеть добраться до Валласа засветло. Ты ведь знаешь суровость здешнего климата, Моран дочь Нарима.

Женщина судорожно сглотнула не в силах отвести взгляд от глаз под маской.

– Откуда вы…

– Разве это имеет значение? – сказал так тихо, что услышала только рабыня и снова вздрогнула, – много знать в наше время смертельно опасно, женщина.

Мы двигаемся в путь, как только вернется Ренат, – крикнул воинам, – будьте готовы, мы идем прямо на снежную бурю. Закройте лица, хлебните дамаса, приготовьте ваших лошадей.

– Велеария не может ехать с вами – она дочь Ода Великого, а вы простой меид. Ничтожество. Она ниада, и никто…, – Астрель сорвался на крик, стараясь привлечь внимание командора.

– Не смеет к ней прикасаться? – перебил его меид и криво усмехнулся, – На ней из одежды только мой плащ. Баорды унесли все сундуки еще до того, как я там появился. Может, вы сами понесете ее на руках, астрель? Ее голое тело такое горячее под моим плащом. Вам, несомненно, станет жарко.

Командор снова направил коня к Фао, и тот отшатнулся назад, осенив себя звездой несколько раз.

– Ну же. На вас перчатки, и вы сам служитель господа. Боитесь искушения?

Фао дернул за поводья, и его конь встал на дыбы, а меид оскорбительно расхохотался.

– А, может, ожогов или гнева Иллина?

– Вы будете гореть в Преисподней!

– Я и там побывал – есть места пострашнее пекла, астрель, и они намного ближе, чем вы думаете. Наааамнооого блиииже, – закончил мрачным шепотом, вселяя в астреля праведный ужас, – они в нас самих.

Вернулись остальные меиды и несколько стражей дас Ангро, они принесли тяжело раненых и мечи.

– Твою мать, ну и месиво там! Так мало выживших! Баорды! Десятки баордов! Гребаные ублюдки жрали их живьем!

– Святой Иллин! Вы видели? Следы…Будь я трижды проклят, если это не гайлар. Надо убираться отсюда да побыстрее.

– Гайларов не существует. Угомонитесь! Просто крупный волк. Ими кишит весь лес. По весне расставим капканы.

– С лапами размером с мою ладонь? Это не волк, мать вашу – это тварь величиной с медведя! Уходим. Я знаю, что говорю… я…

– Заткнешься прямо сейчас, трусливая задница!

– Это он их всех убил…Баордов. Он вернется. Вот увидите, почует наш запах и вернется.

Командор резко обернулся к воину астреля и двинулся на него.

– Еще одно слово, и я сам раздеру тебя на части так, что со мной ни один гайлар не сравнится, привяжу куски твоего мяса дереву и оставлю кормить либо гайларов, либо баордов.

– Что делать с ранеными, командор? – тот, кого Рейн называл Ренатом, склонил голову, ожидая ответа.

– Раненых с собой не возьмем, вы напрасно их принесли. Нам не на чем их перевозить, и они задержат нас в пути.

– Это противоречит законам господним! – воскликнул астрель, – Разве можно бросить здесь этих несчастных?

– Они все не жильцы, а мы рискуем застрять в бурю на переправе, которая и так может не выдержать вес всего отряда. Или вы готовы пожертвовать своей жизнью, астрель? – меид несколько секунд смотрел в глаза священнослужителя, – Так я и думал, – усмехнулся он.

– У меня иная миссия, – высокомерно сказал астрель, – я должен сопровождать мою велеарию. Дайте хотя бы отмолить их души перед Иллином.

– Всего лишь несколько минут назад не вы ли сказали мне, что ее нужно было бросить в лесу? Отмаливайте, может. ваши молитвы избавят их от страданий, хотя я бы предложил перерезать им глотки – это гораздо гуманнее.

Астрель спешился и склонился над тремя несчастными, лежащими в снегу. Сжимая пальцами пятиконечную звезду на длинной цепи, он освящал их души молитвами, отпуская в царство вечного покоя, беззвучно шевеля губами и стараясь не смотреть на развороченные грудные клетки и вспоротые животы. Поистине, эта миссия не нравилась ему все больше и больше, но мысли о повышении ранга и новых способностях, о золоте Валласа не давали ему покоя.

Проклятый меид был прав – они не жильцы и только задержат всех в дороге. Кажется, уже все мертвы. Вдруг один из раненных резко схватил астреля за руку.

– Это предатели! – хриплый шепот заставил Фао вздрогнуть от ужаса, – Меиды – изменники, мать вашу! Кому…кому вы доверились? Все меиды …это мятежники…За их головы…

Его слова оборвал кинжал, он метко встрял прямо во рту раненого, пригвоздив к земле, и заставил замолчать навечно, заливая снег кровью. Астрель медленно поднял голову и увидел Саяра, склонившегося над ним и бесцеремонно выдернувшего нож из глотки мертвого воина.

– Ни звука, мой Дас, иначе следующим я перережу глотку тебе, – вытирая окровавленное лезвие о рясу астреля.

– Предатель! – зашипел Фао, вскочил на ноги и заорал – Взять его! Взять их всех! Предатель! Меиды – предатели!

Люди Фао дас Ангро выхватили мечи, но их уже успели окружить плотным кольцом, а Саяр приставил нож к горлу астреля.

– Я предупреждал!

– Тцццц….как неловко вышло. Не дергаемся. Вы же не хотите, чтобы я отрезал ей голову? – голос предводителя меидов заставил всех замолчать, – Вам дорога ваша велеария, не так ли? Она как раз пришла в себя, – он перевел взгляд на девушку и рывком прижал к себе, заставив ту глухо застонать, – Как вовремя. Сложите оружие и станьте на колени.

Командор приблизил лезвие ножа к лицу велеарии и, проведя тонким лезвием по скуле, вжал острием в щеку. Та зажмурилась, кусая губы, а он обвел всех сверкающим взглядом. В темноте астрелю опять показалось, что глаза проклятого меида сверкнули зеленым фосфором.

– Все должно было пройти гладко до самого Валласа. Без жертв, но, видимо, вашему Иллину стало скучно. Или он покинул вас, отдав мне на растерзание. Пусть ваши люди сложат оружие, иначе я нарисую на лице вашей велеарии пятиконечную звезду в знак ее святости.

– Сражайтесь с предателями! – завопил Астрель, – Режьте их!

Но воины смотрели не на него, а на меида, который водил острием кинжала по щеке Одейи.

– Так кому вы присягнули в верности? Иллину или вашей велеарии? Или вы думаете, что кучка стражников сможет справиться с тринадцатью меидами-смертниками? – он кивнул своим воинам, и в ту же секунду раздался свист стали, головы нескольких воинов астреля скатились в снег так молниеносно, что Фао едва успел моргнуть, как его с ног до головы забрызгало кровью.

Остальные швырнули мечи, поднимая руки и опускаясь на колени. Меид удовлетворенно усмехнулся и снова повернулся к астрелю:

– Иллин принес в жертву ваших людей, астрель. Остальные либо жалкие трусы, либо верны своей клятве. Саяр, свяжи своего Даса, да покрепче. Будет сопротивляться – перережь ему глотку. Он мне особо не нужен. Мне была нужна только эта сука. Стражникам вспороть животы, обезглавить, тела в пропасть, а головы на колья.

– Зачем? Они же бросили оружие! Стали на колени! – голос велеарии зазвучал в тишине так звонко, что астрель поморщился, обливаясь холодным потом от

ужаса и предчувствия смерти. Пусть замолчит! Она разозлит монстра еще сильнее!

Меид дернул велеарию за волосы, заставляя посмотреть на себя, не обращая внимание на то, как дымятся его пальцы и в воздухе воняет паленой плотью.

– В нашем мире нет справедливости. Разве отец не научил тебя этому? Как долго я ждал этого дня, Одейя Вияр. Добро пожаловать в Валлас, – под истошные крики несчастных, эхо которых разносилось по долине вместе с завыванием ветра, – В мой Валлас. В мои земли. Позволь представиться – Рейн Дас Даал. Сын Альмира Дас Даала. Велеар Валласа.

ГЛАВА 5. РЕЙН

Годы и лишения вносят свои коррективы в жизненные ценности. Особенно, когда умираешь и возрождаешься, чтобы снова умирать. Только теперь, медленно поджариваясь на костре воспоминаний, обрастая пеплом из дней, месяцев, лет и разгребая дрожащими пальцами золу прошлого, я понимал, что эта агония бесконечна. У предательства нет срока годности, нет времени для забвения и прощения. Есть вещи, которые простить невозможно, а забыть – тем более.

Я жил планами мести, я их вынашивал, как мать вынашивает дитя с любовью и благоговением. Я ненавидел так люто, насколько человек вообще способен ненавидеть, и ждал, когда смогу вернуть долг. Ненависть давала мне силы не сдохнуть, а до этого невыносимо хотелось вогнать лезвие меча под ребра. Бывало, часами смотрел на блестящий клинок и думал о том, что, стоит надавить пальцем посильнее, и на выцветших монастырских полах растечется бордовый рисунок смерти. Тогда я не знал, что костлявая сука уже давно меня не хочет. Я – бессмертен. Теперь мы с ней породнились. Я подкидываю ей души, а она их забирает и хохочет беззубым ртом, над тем, что я завидую ее добыче, потому что иногда хочется сдохнуть и наконец успокоиться.

Символично в храме Иллина наложить на себя руки. Астрель, который подобрал меня в лесу и выходил, говорил, что молитва поможет, а я смеялся ему в лицо – такие не молятся. Такие уже ни во что не верят. Я еще не знал, что я такое.

Только начинал меняться, и этот процесс был медленным. Моя ненависть подняла голову лишь тогда, когда из овального окна храма я увидел всадника на белом коне с отрядом воинов и узнал как знамена, так и его самого. Он пожертвовал храму, выстроенному на моих землях, красный металл, украденный из казны моего отца. Проклятый ублюдок жил, жрал, смеялся и трахался, тогда как вся моя семья гнила в братской могиле, и я не мог их даже похоронить. Я поклялся, что отниму у него всё, что он любит. Всё, что заставляет его улыбаться. Именно тогда я понял, что самоубийство – это удел слабаков, трусливых, жалких слабаков. Я должен выбирать: или жить дальше, как непотребное насекомое, или встать с колен на негнущиеся, раздробленные ноги и копать могилу своим врагам, медленно, день за днем, год за годом, а потом столкнуть их туда всех по очереди, изуродованных, расчлененных или обглоданных живьем, и начать засыпать землей, похоронив заживо. Её последней. Для красоты. Пусть она ни в чем не виновата, но в ней течет ЕГО кровь, и её участь предрешена и приговор вынесен.

Волк во мне только начинал возрождаться и приходил очень редко. Я не умел его контролировать, не справлялся с ним. Я его боялся.

Когда он появился первый раз, то зверски уничтожил всех астрелей. Сожрал тех, кто приютили меня. Утром я ужаснулся тому, что сотворил. Очнулся среди горы разодранных трупов голый, окровавленный и до тошноты сытый. Я орал, сотрясая резные, разноцветные стены храма, призывал их Иллина сотворить чудо…но о каком чуде речь, если само зло нашло приют за стенами святого места? Насмешка или ирония судьбы, но я принес сюда смерть. Сжег храм вместе с трупами и бежал в лес. Знал, что меня будут искать. Я не понимал, как превратился в монстра, ничего не помнил. Долгие месяцы, скитаясь по лесу и перебиваясь случайной добычей, я ненавидел себя, считая убийцей и людоедом. С моим волком я познакомился гораздо позже, когда наконец-то научился распознавать его пробуждение и контролировать своё сознание. Научился принимать обращение, как избавление от жалкой человеческой личины в нечто мощное и могущественное. Через боль. Через адскую бездну страданий, пока ломались кости, хрустели сухожилия и шерсть пробивалась через кожу, как тысяча лезвий, вспарывая плоть. И наконец награда – СВОБОДА! Истинная. Та, что живет внутри каждого, заложенная самой природой в подкорку мозга. Ценности выворачиваются наизнанку и уже не важны ни внешность, ни богатство, а только сила. Со временем я начал ждать эти ночи, когда волк вырывался на волю. Я начал любить его больше, чем себя самого, и в тот же момент и ненавидеть, боясь в один прекрасный день отдаться этой сущности и никогда не вернуться в облик человека.

Я так и не избавился от этой боли между лопатками. Жить с ножом в спине годами – это изощренная пытка. Его всадили по самую рукоятку, и, как бы я ни извивался и ни пытался его вытащить, мои пальцы только царапали воздух, а лезвие продолжало ранить изнутри монотонно-одинаковой болью, кровоточить и заливать простыни сукровицей бессонными ночами.

Я вспомнил, как впервые почувствовал эту дикую боль и невольно потянул руку назад, схватил пальцами воздух и упал на колени, понимая, что там торчит предательство, которое совершил Од по отношению к моему народу и превратил нас в своих рабов.

Вспомнил, как смотрел на трупы, которыми был усеян весь ров, стоя на коленях и завывая, словно раненое, обезумевшее животное, и не верил, что это происходит на самом деле.

Я слишком долго был никем. Мертвецом, изъеденным червями, восставшим из Ада, чтобы попасть обратно в Ад. Проклятым, кем только можно. Отверженным своими и ненавистный чужим. Зверь в человеческом обличье и человек в шкуре зверя. Жуткий в обоих своих ипостасях.

Я получил полный набор, комплект от смерти в подарок. Я потерял абсолютно всё, в полном смысле этого слова. Увидев себя в зеркале после, я долго смеялся. Истерически хохотал, а потом раскрошил его в ладонях, утративших от ожогов чувствительность. Долго смотрел, как на пол капает кровь и понимал, что назад дороги нет.

Потом долго искал других гайларов, потому что понимал – меня создали. Такими не рождаются. Вспоминал, как валялся у озера и смотрел в горящие волчьи глаза. Мне дали шанс на новую жизнь, и в тот же момент погрузили в бесконечный Ад. Я искал хоть какую-то информацию, но всегда натыкался на молчание. Инквизиция Ода Первого тщательно прятала любые сведения, а все, кто мог знать хоть что-то о гайларах, либо были сожжены, либо молчали и боялись. Себе подобных я нашел не скоро и совершенно случайно. Нашел своего создателя.

Того, кто объяснил мне, что я такое. Во что он меня превратил. Мы заключили с ним дьявольскую сделку, которая со временем превратилась в нечто иное.

Помню, как приполз в какую-то старую таверну на границе с Лассаром. Мрачное место на окраине мира, в голубых снегах Снежной пустыни. Я еще не прятал свое лицо и, видя, как люди оборачиваются, смотрят мне вслед расширенными от ужаса глазами, а псы жалобно скулят при моем приближении, я наполнялся горечью. Едкой и отчаянной горечью презрения к себе и ненависти к ним. Это трудно принять после того, как у меня было все и меня ждал престол Валласа, а женщины сами раздвигали передо мной ноги. Самые красивые и достойные из них, а сейчас даже шлюхи плакали от страха, увидев мой оскал и тело, покрытое шрамами. Тогда у меня еще не было достаточно красного металла, чтобы купить их тела и заставить заткнуться и не всхлипывать подо мной от ужаса и боли.

Отряд воинов Ода пировалпосле очередного мародерского набега в полупустой зале таверны, лапая костлявых, голодных шлюх, угощая их вином, играя в кости. Они ржали надо мной с того момента, как я переступил порог таверны и рухнул на стул, отыскивая в дырявых карманах монеты, чтобы расплатиться за кружку кипятка и вязкую кашу – это все, что я мог себе тогда позволить.

– Эй, Урод! Ты над нами смеешься?

– Таких надо в цирке показывать! Может, заберем его с собой и продадим Шавалу? Как думаешь, сколько монет он отвалит за этого колченогого урода?

– Да, кому он нужен? Народ от страха передохнет. Ты видел это лицо? Ночью приснится – сердце остановится!

– Эй! Уродец! Лови монетку, попугай нас. Рычать и бегать на четвереньках умеешь? Не хочешь монетку? А ее?

Один из воинов стащил с колен шлюху и подтолкнул ко мне, но она в ужасе попятилась назад.

– Кажется, она тебя нет. А если я ей приплачу, чтоб ты ее оттрахал здесь при нас? Твой член так же уродлив, как и твоя рожа? Или хоть в чем-то природа тебя не обделила?

Я почувствовал, как зверь расправляет плечи и скалится внутри, готовый превратить всех в обглоданное и растрепанное мясо.

«Не здесь. Потом. Ты сделаешь это потом».

Голос ворвался в сознание, и я вздрогнул, понимая, что слышу его только у себя в голове. Резко обернулся и встретился с горящим взглядом странного парня за соседним столом. Странного только для меня, потому что он ничем не отличался от скучающего, уставшего в дороге путника. Всплеск адреналина внутри от едкого запаха подобного мне чудовища в человеческом обличье побежал по венам и запульсировал в висках. Ноздри затрепетали от предвкушения. Несколько секунд смотрели друг на друга. Зверь, почуявший зверя, с которым можно напасть и растерзать добычу, поделив трапезу пополам. Волк услышал волка.

Мы разодрали их вместе, спустя несколько часов, и я смотрел как из-под массивных лап гайлара летят брызги из крови и обрывков кожи, как он раздирает грудную клетку и крошит мощными челюстями кости, добираясь до сердца, а потом выдрав его, швыряет мне, приглашая разделить с ним жуткое пиршество, и я разделил. Разделил, мать вашу, с диким наслаждением. Этот кайф был сродни оргазму. Их плоть пахла местью, хрустела на клыках вкусом победы и опьяняла вседозволенностью по праву сильнейшего.

Мы сожрали их, оставив только уродливые, жуткие трупы с обглоданными лицами. А потом я трахал ту самую шлюху прямо в хлеву. Она с готовностью отдалась мне за те монеты, которые я отобрал у мертвых воинов.

Со временем я осознал, что это проклятие дало мне возможности и силы отомстить. Адские силы, страшные. Теперь я мог сам сеять смерть, оставлять ее за собой кровавым шлейфом и выцарапывать зарубки на рукояти меча, насадив голову очередной жертвы на кол и сплясав победный танец. О, да! У меня был свой ритуал. Особенный. Я хорошо запомнил полет коршунов над падалью. Впервые я станцевал его там, в нескольких ярдах от таверны, когда вернулся посмотреть на трупы уже человеком. Сам не понял, как выпрямил руки, словно в полете, и кружил над телами, хохоча, как безумный. Утром жители деревни нашли их обглоданные головы, насаженные на колья, выстроенные в пятиконечную звезду. Символ веры в Иллина, которому они молились, когда мы поедали их живьем. А я уже был далеко в чаще леса, вместе с моим новым другом, который увел меня к своим, в стаю, чтобы научить быть тем, кто я есть сейчас – убийцей и хищником. Одним из них. Одним из гайларов, обращенным самим атхалом.

Мы заключили сделку, и я провел с ними несколько лет, пока атхал не решил, что обращенный гайлар готов начать нашу общую войну самостоятельно, принял свою сущность и перестал ее бояться. Я превратился в чудовище, упивающееся своей силой и уродством. Мне стало нравиться вселять ужас и питаться страхом. Власть извращает любой разум, даже самый невинный, а мой уже давно мутировал. Я был голоден. Слишком голоден на все то, что у меня забрал велеар. И я пришел отнимать все это силой, отрывать с мясом. Своё. Од Первый мне слишком много задолжал, и я возьму с процентами.

Больше я не жрал своих врагов. Я их коллекционировал и ждал, когда подберусь достаточно близко, как зверь, к самому главному из них и отомщу, уже как человек, со всей изощренностью больного психопата.

А потом я снова смеялся и плакал. Рыдал, как ребенок, который проснулся после сказочного сна в диком кошмаре, в котором самым страшным монстром оказался он сам.

Нищим, изгнанным монстром без имени и без роду. Человек без прошлого и без лица. От меня шарахались даже бездомные псины, в ужасе поджав хвосты. Но судьба – хитрая, трусливая сука, отобрав всё, она пытается восстановить баланс, подсунуть тебе что-то другое. Взамен на утраченное. На, ублюдок, утешься, не ной! Эдакая дьявольская сделка. Я получил больше, чем имел, но потерял душу. Внутри меня зияла черная дыра, персональная бездна, воронка, которая постепенно засасывала в себя все то человеческое, что оставалось во мне из прошлого. И я перевоплощался, менялся… в кого? Я и сам не знаю. Я не знаю того человека, который резал, колол и убивал, уже не на войне, а в мирное время, у себя, в тылу, среди своих, я сеял смерть на тысячи акров обледенелой земли, захватывая территорию. Да, свою собственную. Я готов был убить за нее каждого, кто становился у меня на пути. Я не знал этого убийцу, который продолжал проливать кровь рекой за куски металла, за красный металл. Опять за проклятый красный. Презренный металл…презренный цвет, опостылевший до рези в глазах.

Иногда я смотрел на свои руки и видел их по локоть в крови, а мне было мало. Недостаточно. Здесь, в этой глуши, куда никто не смел сунуться, я построил себе новую жизнь. Среди отморозков и отребья, которые пошли за мной, потому что я пообещал им свободу и потому что боялись меня. Они пошли за сильнейшим.

От ядовитой горечи одиночества и подтачивающей изнутри ненависти не спасало ничего. Ни спиртное, ни женщины, ни власть. Но все же какой это сильный стимул не развалиться на куски и не сгнить заживо! Впрочем, и себя я ненавидел не меньше. Но с этим справлялся намного лучше, чем с воспоминаниями. Я ждал. Терпеливо. Собирая себя по осколкам, учился жить заново, как когда-то ходить, снова разговаривать, есть самостоятельно. Первое время беспробудно пил, только так мог уснуть, а точнее, вырубиться хотя бы на несколько часов. Без спиртного я не спал сутками.

Потому что эта тварь снилась мне ночь за ночью. На своем белом коне. В моем замке, на моих землях. Как навязчивый бред, как дикое безумие. Я бежал от него, а он настигал меня везде, едва солнце пряталось за горизонтом. Проклятое солнце, оно напоминало мне о ней, как и монеты в моих обожжённых ладонях. Я не чувствовал их вес, мои пальцы утратили чувствительность, и ни один мадар* не мог ее вернуть, а ко мне привозили самых лучших. Шарлатаны. Жалкие и бездарные. Все сгорели на костре. Чудес не бывает. Мне перерезали сухожилия на запястьях и раздробили ноги в ту самую ночь, когда Од Первый праздновал свою победу над Валласом.

Чувствительность возвращалась только в ночи Черной луны. Так я называл полнолуния, когда мой зверь вырывался наружу и я чувствовал всеее. В тысячу раз сильнее, чем человек, острее, вкуснее.

Да, мне, мать его, все же повезло! Я стал меидом. Воином-смертником, принесшим присягу на верность Оду Первому.

Первый шаг в кровавом танце с венценосной семейкой. Инквизитор, истребляющий нечисть в землях Лассара и Валласа. Тот, кому Од доверил охранять свои земли от приспешников Саанана. От мадаров, гайларов и других порождений зла. Только где она грань между добром и злом? Люди называли Саананом меня самого и осеняли себя звездой, когда я проходил мимо их домов. Они брызгали святую воду в каждом углу своих покосившихся изб и истово молились, когда выходил за порог. Я быстро нашел единомышленников. Они все примкнули ко мне в дикой жажде уничтожить своего велеара. Так было испокон веков. Есть правитель, есть и те, кто хотят его свергнуть. Нужно только найти и дать то, чего они жаждут.

Умный вожак знает, чем сплотить вокруг себя стаю преданных псов – бросить им кусок мяса, хлеба да дамаса побольше, и они преданы тебе навек после долгих

лет голода. И мы начали сеять смерть.

Красное золото. Я загребал его лопатой в полном смысле этого слова. Я и мои люди грабили каждое селение, в которое попадали, убивая всех господ, которые в нем находились. Всю знать и проклятых астрелей. Мы очищали мои земли от гнета Ода Первого и отдавали половину добычи простому народу. Теперь уже на меня молились. Как мелочна человеческая душонка. Истинная вера воспета только в манускриптах и пафосной пропаганде, на самом деле человек готов предать кого и что угодно за кусок хлеба, за жизнь своих близких. И они предавали ради тех благ, что я не только обещал, но и давал им с лихвой. Тогда как их господа болтались вдоль занесенной снегом дороги на деревьях, с набитым соломой ртом и смердели за версту, раскачиваясь от ветра, облепленные вороньем, которое тоже урвало кусок своей трапезы. Саанан накормил всех.

Миром правит похоть, власть и деньги. Всё. На этом жирная точка. И тот, кто думает иначе, может однажды найти себя полусгнившим в монастырской келье, а затем либо неистово замаливать грехи, либо омертветь окончательно. Время всё расставит по местам, а если подсобить ему увесистыми мешками драгметалла, то эти самые места будут там, где угодно мне и когда угодно мне.

Время прогнется подо мной, как портовая шлюха, оттопырив тощий зад, и я буду иметь его раком до тех самых пор, пока не придет мой час. Долгие месяцы, когда я не мог говорить и мочился под себя, как старик или младенец, научили меня терпеливо и выносливо ждать.

А потом судьба все же повернулась ко мне лицом, извечно скрытым от меня под фальшивой личиной, чтобы оскалиться в победном хохоте. Я слышу ее надтреснутый, истерический смех и понимаю, что мы смеемся вместе. Мой голос разносится по пустому дому и звенит под потолком, как колокольный звон по усопшему. Она и я победили. Какой ценой? Какая к черту разница? Победителей не судят – их награждают медалями. Из красного, мать его, золота.

«Ожидайте дня через три, идут лесом. Их ведет наш человек – Саяр. Другой отряд загоняет велеарию прямо в ваши угодья. Шанса, что они свернут нет. Наша часть сделки выполнена.

Ваш вечный должник».

Я встал с кресла и, прихрамывая, прошел к камину. Старые раны ныли от пронизывающего холода. Наклонился и помешал угли, искры огня взметнулись к потолку. Красно-оранжевые…яркие, как её волосы. Жидкое, расплавленное красное золото. Сколько раз я мысленно касался его кончиками пальцев гладил, перебирал, а потом впивался в них пятерней и выдирал до мяса. Те самые волосы, на которых помешался с первого взгляда…

Но в этом проклятом Аду я больше не буду гореть один, я стану зрителем и буду наблюдать за их агонией. Ничего не делает человека более уязвимым, чем зависимость от другого человека. А она будет зависеть от меня. Каждый её вздох, каждый шаг и телодвижение будут зависеть от того, за какую ниточку я дерну, а может, и обрублю все нити, обездвижу, обескровлю и оставлю подыхать на мерзлой земле, где даже горстка снега теперь принадлежит мне.

Я запрещал себе думать о прошлом. Запрещал возвращаться туда, где был счастливым, но таким жалким и слабым, где все еще умел смеяться и плакать. Был человеком. Любил и верил, что меня тоже любят. Она. Девочка с красными волосами.

Вспоминал, как еще долго приходил на наше место, чтобы увидеть её хотя бы издалека. Но ни разу больше она не ждала меня. Наверное, я и сам не понимал, чего хотел от неё тогда. Ведь она клялась мне в любви. Дьявол меня раздери, как она клялась своими бирюзовыми глазами, стонами и криками, бусинками пота на шёлковой коже и твердыми красными сосками, искусанными мной в порыве страсти. Клялась слезами и робкими ласками. Клялась, стоя на коленях и протягивая ко мне тонкие руки, умоляя, чтобы взял её. Я готов был поверить – меня примут любым. Потому что так должно быть, если любила…Нет! Будь она трижды проклята! Но нет! Не ждала и никогда не любила! Крутила мной, как марионеткой, усыпила бдительность. Дергала за веревочки и манипулировала так изощренно, как не смог бы ни один кукловод. Кукловод с лицом ангела, способного совратить самого дьявола.

Знала бы, сколько лет потом я ходил за ней тенью по пятам. Следил за каждым шагом. Плакал, представляя, как она в ужасе отшатнется от меня или закричит. Как и все другие. Иногда я убивал их за это. Заставлял смотреть на меня, пока остервенело трахал, и не закрывать глаза и, если дрожали от ужаса, убивал. То первое время, когда еще не умел контролировать зверя, когда еще не надел на лицо маску.

Я узнал о ней всё. Узнал, кто она такая. Одейя Вийяр. Дочь моего смертельного врага. Единственная женщина, которую я когда-либо любил. Я незримо сопровождал её везде и ненавидел себя, когда, оставаясь один, яростно мастурбировал, вспоминая ослепительно-красивое лицо и сочное тело. Когда кончал в собственные дрожащие пальцы с ее именем на пересохших губах хриплым стоном агонии, понимая, что никогда не прикоснусь к ней больше.

Пока не решил, что к ней больше не прикоснется никто. Я был на обряде венчания, среди ликующей толпы, бросающей ей под ноги цветы и скандирующей её имя. Меиды сопровождали праздничный кортеж. Смотрел, как она идет об руку с ним, и подыхал от отчаяния, в то же время предвкушая, как очень скоро разрушу её жизнь одним взмахом меча.

С каким наслаждением я вонзил клинок в сердце рыжеволосого ублюдка, который назвал мою женщину своей, а потом аккуратно отрезал ему голову, зная какая участь ждет её теперь. Почти такая же, как и моя. Добро пожаловать в мой адский мир, девочка с кровавыми волосами и глазами цвета моря. В мир отвергнутых обществом уродов. С твоей красотой – это хуже смерти. Похоронена заживо в прекрасном теле, которого никто и никогда не коснется. Мы с тобой теперь оба – смерть во плоти. Только я страшен, как Ад, а ты прекрасна, как Рай.

И сейчас я вез Одейю в свои земли, чтобы начать обратный отсчет с того момента, как она станет моей, до момента, когда больше не будет мне нужна, и я убью ее.

Трусливый Фарго Дас Ангро совершит обряд венчания, либо я заставлю его сожрать собственные кишки или скормлю их его страже.

В печали и в радости, в болезни и старости, в жизни и смерти! Пока не закопаю живьем. Нет! Не так! Пока не заставлю Ода Первого закопать собственную дочь. Я даже представлял себе, как комья грязи сыплются на ее фарфоровую кожу, как она кричит и умоляет меня не убивать, как тянет ко мне руки…те самые руки, которыми зарывалась в мои волосы, ероша их длинными тонкими пальцами.

ГЛАВА 6. ОДЕЙЯ

Я никогда не видела столько смерти. Даже после, когда она будет идти за мной по пятам, не забуду этот жуткий день моего прибытия в Валлас. Адскую дорогу через Долину пешком. Дорогу прозрения. Так я ее назвала. Потому что только сейчас я увидела, кто и чего стоит на самом деле, как человек меняется за какие-то часы до неузнаваемости.

Нас вели через снежную пустыню, прикованных друг к другу цепью, продетой через кольца в железных ошейниках, и в толстых браслетах на лодыжках и запястьях. Как свору ободранных собак. Конец цепи был намотан на мощную железную петлю у седла всадника в черной маске, назвавшегося Рейном Дас Даалом. Кроме слухов, которыми обросло это имя, история повергнутого велеара Валласа была не более, чем страшная сказка. Отец выиграл бой с неверными псами, грозившими захватить Лассар, он подарил свободу жителям Северных земель. Он объединил два королевства и восстановил мир.

Никто из семьи велеара не выжил. Безголовым призраком мертвого правителя стращали детей и рассказывали небылицы, в которые верили простолюдины и осеняли себя звездой, когда речь заходила об Альмире Даале, продавшем душу Саанану, поклонявшемся гайларам и пожиравшем младенцев в полнолуние. Мятежный меид не более, чем самозванец. Отец сжег племя валлаского узурпатора на глазах своих воинов. А я не верила в восставших мертвецов. Я тогда мало во что верила… и моя вера медленно выворачивалась наизнанку с каждой минутой этого адского плена.

Когда самозванец пришпоривал коня сильнее, нам приходилось бежать, задыхаясь и спотыкаясь, проваливаясь в сугробы. Два часа, как два столетия. Людей пугает жара и засуха, но нет ничего страшнее снега и льда. Холода, пробирающего до костей, и жажды. Мучительной и иссушающей. Вокруг мерзлая вода, а ты не можешь ее испить, потому что тебе не дают, и в воздухе свистит хлыст или меч, наказывая каждого, кто смеет зачерпнуть снег, превращая наш путь до замка Адвер в адскую пытку.

Я не смотрела под ноги, где волочились обрубленные конечности тех, кто упал по дороге, не выдержав страшной нагрузки и леденящего холода. Их не поднимали и не щадили, отрезали от остальных в полном смысле этого слова, не теряя время на то, чтобы снять железные браслеты с ног и рук. Обрубали под дикие вопли несчастных, которых оставляли умирать на дороге и истекать кровью. Когда они проделали это в первый раз, меня стошнило на снег. Потом я

уже старалась не смотреть и не думать ни о чем. Только выжить и дойти в город. Мне почему-то казалось, что там все будет иначе, что там – войско Аниса, и они отобьют нас у проклятых черных шакалов, которые посмели напасть на отряд своей велеарии.

Никогда до этого я не задумывалась о том, что же на самом деле значит предательство. Я видела иные ценности, я выросла с иными представлениями о чести. Пусть я не молилась Иллину и не приняла постриг, но я с трепетом относилась к тем, кто верил.

От усталости рябило перед глазами, а туфли стерлись и промокли, и я уже не чувствовала пальцев от дикого холода. Моран поддерживала меня под локоть, когда я спотыкалась. Она растирала мне руки и иногда сыпала снег за ошейник, облегчая боль от трения. Мне казалось, кожа под ним вздулась волдырями и, когда его снимут, она облезет струпьями.

– Попросите, он пощадит вас, даст вам коня. Он же предлагал! Зачем вы отказались? Мне невыносимо видеть ваши мучения!

– Просить? Его? Я лучше сдохну, чем попрошу о чем-то этого проклятого ублюдка.

– Вы женщина. Всего лишь слабая женщина, попавшая в плен. Кто посмеет вас осудить?

– Я воин. Чем я лучше моих солдат? Они идут, и я буду идти. Они умрут, и я умру. Ты же не просишь лошадь для себя, несмотря на то, что тебя не сковали.

– Я из Валласа, моя Деса. Они принимают меня за свою.

– А я лассарская велеария, и я повела свой отряд в эту ловушку, а значит, я разделю участь моего войска.

Моран тяжело вздохнула и снова насыпала мне снег за ошейник, утихомиривая боль.

Бесконечное шествие смерти следом за ее приспешником. Он даже не оборачивался на пленников, а только дергал иногда цепь, чтобы заставить нас идти быстрее, и, самое страшное, ему было наплевать, сколько из нас дойдут туда живыми. Моих солдат становилось все меньше, они умирали жуткой смертью у меня на глазах, и я ничем не могла им помочь. Дас Ангро скулил и стонал, как побитая собака, и иногда мне хотелось придушить его лично, чтобы заткнулся. Как быстро меняются ценности, как быстро верность рассыпается в прах под тяжестью животного ужаса и банального эгоизма. Тот, кто проклинал самозванца всего лишь пару часов назад, сейчас готов был стелиться у его ног лишь бы выжить, и я содрогалась от омерзения. И этого человека дали мне в наставники, оберегать мою душу от зла и соблазнов, а он готов был предать своего Иллина за глоток воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/legendy-o-proklyatyh-bezlikiy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити